

Требовательность к творчеству

В свет вышла новая книга. Когда читатель только открывает первую страницу, он еще не знает, чем обогатит его произведение. Но если книга написана со знанием жизни, с художественным мастерством, она глубоко заинтересует его и обрадует. С волнением ждет первых откликов о книге и автор. В самом деле, сколько вложено в нее художником: заветные мысли и долгие жизненные наблюдения, неугасимый жар сердца и упорная работа, творческие искания и страстное желание пламенным словом увлечь за собой читателя. Художественное произведение, достойное нашего народа, — всегда итог большого труда, труда самоотверженного и требовательного, не терпящего никакой легковесности, упрощенчества, торопливости. Так пусть же и оценен этот труд будет серьезно, строго, требовательно, без обычных скидок и недостойных послаблений. Этого хотят все литераторы, вкладывающие душу в свой творческий труд. Искренне и возводило прозвучало на заседании президиума Союза писателей заявление одного из участников декады бакинской литературы и искусства в Москве:

— Мы боимся снисходительного отношения к нашему творчеству, но этого не случилось. Все выступавшие, строго критикуя наши произведения, говорили о серьезных завоеваниях бакинской литературы.

Серьезные завоевания приходят к тем художникам, кто неутомимо изучает жизнь, глубоко постигает передовые идеи своего времени, постоянно ищет наилучшую форму для воплощения своего замысла. Высокая забота о качестве создаваемой книги, стойкость в своей жизненной позиции, в отстаивании своих идеалов и художественных взглядов — вот что отличает подлинного мастера искусства. Он никогда не позволяет себе беглого и торопливого знакомства с жизнью, с героями будущей книги, не прощает себе незерской мысли, невыразительного образа. Его требовательность к себе — это требовательность художника к твердым убеждениям и сознанием ответственности перед народом.

У такого писателя талант и труд нераздельны, он не знает самоуспокоенности, чужд самолюбия. По слову А. М. Горького, «талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант — в сущности его — и есть только любовь к делу, к процессу работы». Стоит ли напоминать, как самолюбиво работали над своими книгами наши классики, как снова и снова перерабатывал свои шедевры Л. Н. Толстой. Замечательное творение Горького — его роман «Мать» насчитывает шесть редакций, создававшихся в период с 1902 по 1922 гг., и каждая — новый шаг в идейно-художественной разработке темы.

Высокая требовательность к собственной работе, стремление неустанно улучшать ее и совершенствовать — важнейшее условие дальнейшего роста нашей литературы. Она добилась значительных успехов, и советские люди говорят об этом с гордым и радостным чувством. За последние время критический читатель получил ряд новых книг, украшающих нашу литературу. В их числе можно назвать и «Русский лес» Л. Леонова, и «Искатели» Д. Гранина, и «Балтийское небо» И. Чуковского, и «Открытие мира» В. Смирнова, и повесть «В добрый час!» В. Розова, «Сердце не продает» А. Софронова, «Персональное дело» А. Штейна и другие произведения. Но наряду с добрыми делами все еще выходят немало книг слабых, сырых, второстепенных. В правительстве ЦК КПСС Второму съезду писателей указано: «Отдельные писатели не проявляют должной требовательности к своей работе, выискивают поспешные и слабые произведения, обидяющие советскую действительность».

Требовательность литератора к своей работе оборачивается неуважением к читателю, получающему вместо полноценного художественного произведения книги, бедные жизненным содержанием, беспомощные в художественном отношении. Нетребовательность жестоко мстит самому писателю, — он расстраивает по мелочам свои способности, перестает двигаться вперед. Вот почему писательская общественность с такой непримиримостью относится ко всем проявлениям безответственности и небрежности в литературном труде.

Хуже всего, пожалуй, то, что должной требовательности к своим книгам иной раз не проявляют опытные, известные литераторы, публикующие произведения, написанные ниже их возможностей. Характерен такой пример: законное признание общественной получила «Повесть о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой. Но вот спустя несколько месяцев, Г. Николаева, много и серьезно работавшая над своей повестью, опубликовала в «Знамени» стихи «Через десятилетия», весьма неоригинальные, камерные, носящие явные следы небрежности. Нетребовательность талантливой писательницы не может не огорчить и не встревожить читателей.

Не о низкой ли требовательности к публикуемому произведению свидетельствует тот факт, что А. Кузнецов вскоре после опубликования своей поэмы «Грозная пуля», даже не дождавшись критических выступлений в печати, снял поэму с обсуждения в Союзе писателей БССР в связи с необходимостью дорабатывать ее?

Иные авторы даже не считают для себя зазорным «перепоручать» работу над своей книгой другим лицам. Н. Ильяков, слав в альманах «Друзья народов» свою повесть «В маринском лесу» и авторизовав перевод, усвоился с переводчиком

Н. Москвиним, чтобы книгу дальше «дописывать» без его участия. Редакция же, не увидев здесь ничего зазорного, «благодарности» повесть в печать.

Уровень нашей литературы в немолодой мере зависит от того, насколько требовательно подходят издательства и редакции журналов к идейно-художественному качеству каждого публикуемого произведения. Порой эта требовательность недопустимо снижается, что приводит к серьезным промахам, в том числе идейного порядка. Так, поэт Илья Френкель в свой сборник «Лист зеленый» включил политически ошибочное стихотворение, оскорбительное для жителей молдавского села, а издательство «Советский писатель» выпустило эту книгу в свет. Идейно неполноценные и художественно беспомощные произведения, случается, проникают и на страницы журналов. Например, в конце прошлого года «Звезда» напечатала примитивную, художественно неубедительную и во многом ошибочную повесть А. Чиркова «Гроза над фьордами».

Нередко печатаются произведения, содержание которых не вызывает особых возражений, но которые написаны без знания жизни, пером вялым, неумелым и недостойны опубликования или же требуют большой дополнительной работы, прежде чем быть вынесенными на читательский суд. В этих случаях также сказывается нетребовательность редакций.

Большую долю ответственности за уровень публикуемых произведений несет и литературная критика.

В решениях и указаниях Коммунистической партии по вопросам литературы дан четкий критерий оценки художественной литературы с позиций коммунистической идеологии и высокой художественности. Руководствуясь этим критерием, объективно и принципиально подхода ко всем явлениям искусства, критика может и должна поддерживать все здоровое, прогрессивное в литературе, бороться против бездельности, фальши, серости. Отрадно, что все реже появляются статьи, авторы которых признают только две краски — розовую и черную и предпочитают либо огульно «разносить» книгу, либо бездумно восхвалять ее. Плохо другое: нет-нет да появляются статьи робкие, «обтекаемые», не дающие правдивой и острой оценки слабым, недоразвитым книгам. Терпимость к литературному браку, снижение критерия художественных оценок объективно приводит к поощрению работы неумелой, неброской, небрежной. Критика благодушная, административная, недостаточная литературных произведений, как и критика зашугавшая, противоречит указаниям нашей партии, замечательным традициям Беллинского, Чернышевского, Добролюбова.

Вдумчивый, нелицеприятный разговор о книгах того или иного автора жизненно необходим и для роста всей литературы и для творческой судьбы самого писателя. В самом деле, ведь критик заинтересован не просто в том, чтобы выставить те или иные «метки» произведению, а в том, чтобы открыть перед автором дальнейшие творческие перспективы, помочь ему развить свое дарование, избавиться от всего мешающего ему. Правда, творческие неудачи мало известных литераторов не так уж редко становятся предметом открытого критического разговора. Зато при разборе книг «маститых» критики часто терзают все свое красноречие и почтительно умоляют. А жалы! Деловая критика, толковый совет могли бы серьезно помочь многим писателям. Думается, что С. Бабаевскому, несомненно, повредило отсутствие своевременного и взыскательного разбора его романа «Кавалер Золотой звезды»; следующая его книга «Свет над землей» оказалась слабее этого романа.

Низкая требовательность, неумеренная похвала еще больше вредят тем, кто только взялся за перо. Если такому писателю не хватает самокритичности, если он падох на хвалу, у него под влиянием либеральных, невысказанных отзывов может закружиться голова, и кто поручится за его дальнейший путь в литературе. Журнал «Нева» опешив откликнуться на опубликованную во втором номере «Октябрь» повесть М. Пархома «Судьба товарища». Вместо аргументированного разбора произведений в журнале помещена небольшая рецензия М. Савицкого, бего указывающего на частные недочеты повести и превозносящего ее за то, что здесь «живет большая мысль», содержится «особый тон, особый колорит» и т. п. В повести М. Пархома, действительно, есть добрый замысел, некоторые удачные образы, но в целом это весьма незрелое произведение, которому не хватает ясности в отношении к главному герою, художественной убедительности.

Наша литература сильна и многообразна, у нее богатые традиции в прошлом, яркое и содержательное настоящее, она уверенно идет к новым достижениям. Это движение вперед окажется тем быстрее и успешнее, чем ответственнее будет работать каждый литератор, чем больше будет проявлять высокая требовательность все звенья писательской жизни. Это относится и к работе наших издательств, печатных органов, и к литературно-критической деятельности, и к творческому, конференциальному, дискуссионному, которые проводятся в Союзе писателей и порой проходят в обстановке взаимовосхваления. Опыт наиболее удавшихся творческих обсуждений, таких, например, как конференция московских прозаиков по вопросу о воспитании чувств и характера советского человека, показывает всю плодотворность требовательного и взыскательного разговора о литературе.

От высоты писательской требовательности к своему труду зависит общий уровень нашей литературы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 76 (3421)

Вторник, 28 июня 1955 г.

Цена 40 коп.

Всемирная Ассамблея Мира

Хельсинки, 27 июня

Реальные цели

Можно уже подвести некоторые итоги первых дней Ассамблеи. Ее работу отличает реалистичность, глубокое понимание всей сложности еще не решенных проблем.

Ведь есть люди, далекие от зала Мессухали в Хельсинки (в том числе и кое-кто из живущих в этом городе), которым все движение сторонников мира представляется хорошим, чистым, благородным, но не практичным. Судьбы народов, говорят эти люди, судьбы войны и мира определяют правительства. А на Ассамблее представлены деятели общественности, пусть самой широкой, но эти посланцы народов не облечены властью. Больше того, некоторые из них находятся в своей стране в оппозиции к политике правительства.

Но практическая ценность действий друзей мира находит подтверждение во многих событиях последнего времени. И не случайно даже реакционная печать вынуждена все чаще признавать влияние общественного мнения на политику правительств. В наши дни с широким общественным мнением приходится считаться...

Реалистично оценивают участники Ассамблеи ближайшие перспективы. Моника Фелтон считает, что нелепо, нелогично ждать чуда, немедленного осуществления частной международной общественности. «Действие де Ла Вигери сказал: «Хельсинки не конец, — это этап».

Реалистично оценивал также и тематике работы многочисленных комиссий и подкомиссий. Они, как известно, готовят рекомендации по многим конкретным и важным вопросам. Разрешение любого из них обеспечит смягчение международной напряженности. Такими являются запрещения атомного оружия, германский вопрос, борьба против колониализма, расширение мировой торговли, укрепление культурных связей, воспитание молодежи в духе мира и сотрудничества наций.

Наконец, реализм участников Ассамблеи нашел свое выражение в сближении, казалось бы, далеких точек зрения. Католики Италии, французские нейтралитеты, английские ученые, близкие по взглядам Бертрану Расселу, услышали в эти дни авторитетные заявления руководителей Всемирного Совета Мира о полной возможности найти общую программу.

В частных беседах делегаты Индии, Польши, Японии, Франции и других стран уверенно говорят о том, что хельсинкская встреча даст весомые, осязаемые плоды.

Неутомимо работают комиссии и подкомиссии. Воскресенье было, пожалуй, самым рабочим днем: второе из двух вечерних пленарных заседаний закончилось после полудня.

На дневном заседании 26 июня с большой речью выступил французский писатель — драматург Жан-Поль Сартр, тепло встреченный делегатами Ассамблеи.

Сартр подчеркнул, что все организации, посланные делегатов на Всемирную Ассамблею Мира, указали, каким должен быть мир. Это — тот мир, которого хотят народы. Конечно, сказал он, среди нас есть делегаты, народы которых хотят мира в согласии со своими правительствами, и делегаты, которые находятся в оппозиции к официальной политике их страны. Но даже этот факт лишь подчеркивает народный характер движения, привнесшего нас сюда... Любо этого мира не будет, либо народы заставят свои правительства обеспечить мир, и, я полагаю, мы все согласны по этому пункту относительно этой своеобраз-

ной и совершенно новой черты нашего мира.

Конечно, мы стремимся к сосуществованию, продолжал Сартр. Но следует пояснить, о каком сосуществовании идет речь. Не о сосуществовании двух блоков, ибо оно фактически имеется и рискует вызвать войну. Мы хотим мирного сосуществования всех государств, несмотря на различие режимов. Наш мир не может означать сохранения нынешнего положения. Он должен привести к подлинному изменению отношений между государствами. Мы все, присутствующие здесь, знаем, что речь идет не только о том, чтобы требовать некоторых мер, как, например, запрета атомного оружия, но что стремиться изменить мир — значит стремиться к миру. Для того, чтобы изменить мир, нужно идти не назад, а вперед. Для того, чтобы не допустить применения атомной бомбы, нужно не допустить войны. Одновременное разрушение, которого требуют народы, если оно будет произведено, явится подлинным переворотом в истории человечества.

Указав на огромную роль в международных отношениях, которую играют СССР и США, Сартр сказал, что мир неядерным. Если мы хотим подлинного запрещения атомного оружия, заявил он, то мы должны желать всеобщего разоружения, а также сотрудничества двух великих держав. Только это сотрудничество может разрушить систему блоков. Обе эти державы должны договориться о том, чтобы гарантировать независимость каждого государства. Можно ли назвать нас «нейтралитетами»? Я полагаю, что все мы не столько желаем нейтралитета, сколько независимости наших стран. Для наших стран речь идет не столько о том, чтобы остаться нейтральными в войне, сколько о том, чтобы не допустить войны, восстановления свой суверенитет. Франция, поработавшая мировой торговле, укреплению культурных связей, воспитание молодежи в духе мира и сотрудничества наций.

Формулирует вкратце задачу движения сторонников мира, Сартр говорит: мы хотим построить мир путем свободы и вернуть народам свободу посредством мира.

Сотрудничество

В разговорах с некоторыми делегатами можно услышать сожаления о том, что миновали времена, когда между европейскими государствами были самые тесные экономические, культурные и торговые связи. Художники и поэты Парла и Петербурга, Рима и Стокгольма, Мадрида и Осло, Лондона и Вены дышали одним воздухом великой европейской культуры...

Эти мысли находят сочувственный отклик у многих делегатов. Но они подчеркивают, что в наши дни нельзя не принимать в расчет тех крупнейших исторических перемен, которые произошли за последние сорок лет не только в Европе, но и на всем земном шаре.

И тут мы сталкиваемся с одним из самых главных, коренных вопросов международной политики. Один путь политики, как известно, состоит в том, чтобы добиться угрозами, давлением, военной силой реставрации старых порядков по всем тем странам, которые вступили на новый путь национального развития. Сторонники этого пути отвергают сосуществование двух систем.

Другой путь состоит в признании происшедших изменений, в сотрудничестве государств различных систем. И в этом — надежда народов, в этом единственная возможность предотвращения новой войны.

Общность Европы — близкое всем европейцам понятие. Не случайно речи многих делегатов пронизаны искренним стремлением найти путь к безопасности и объединению всей Европы.

О дружбе между народами, о расширении экономических и культурных связей говорят и представители других континентов — индийцы, бразильцы, посланцы Черной Африки. Идею мирового сообщества наций готово поддержать подавляющее большинство участников Ассамблеи.

Яркую речь произнесла Ванда Василевская на заседании одной из подкомиссий.

— Долгое время европейцы считали себя господами культуры, — сказала она. — Великая культура Азии находилась за пределами их внимания. И до сих пор сохранялись глубокие следы этого невежества.

Ванда Василевская поделилась своими впечатлениями о недавней поездке по Китаю, Вьетнаму, Бирме, Индии. Большим problemом в кругозоре каждого человека считает она почти полное незнание дружественных культур этих стран. Многие из них достигли высокого уровня развития еще тогда, когда иных европейских государств не существовало. За последние годы литература, живопись, архитектура, все национальное искусство азиатских стран сделало новый большой шаг вперед. Это великий вклад в общечеловеческую культуру. Ванда Василевская, при полном одобрении присутствовавших на заседании подкомиссии двух сотен делегатов, призвала к развитию самых тесных культурных связей между странами всех континентов.

И когда на Ассамблее говорят о стирании границ, об отмене торговых, паспортных, идеологических барьеров, — речь идет прежде всего о ликвидации всякого рода «зависов», о сотрудничестве народов Европы, Азии, Америки, Африки, о равенстве больших и малых государств.

Движение расширяется

Основной итог Ассамблеи уже несомненно: в борьбе за мир объединяются теперь гораздо более широкие силы, чем это было до сих пор. Пусть у некоторых участников Ассамблеи остаются еще сомнения в программе и целях Всемирного Совета Мира. Пусть еще многие организации — под давлением реакционных властей — тех стран или из искреннего непонимания —

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ВСЕМИРНАЯ АССАМБЛЕЯ МИРА: Б. Леонтьев — Хельсинки, 27 июня (1 стр.); Илья Эрнбург. — Путь к безопасности Европы; Говорят писатели — делегаты Ассамблеи (4 стр.).

НА ТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ: Любовь Кабо. — К трудовой жизни (2 стр.).

ОБЗОР ПИСЕМ. Решающая роль принадлежит общественности (2 стр.).

В. Перлов. — То, что человек берет с собой в дорогу (3 стр.).

А. Ландышева. — Люди Сибири (3 стр.).

А. Каменский. — Творческие искания советских художников (3—4 стр.).

ХЕЛЬСИНКИ. Делегаты Индии и Финляндии в перерыве между заседаниями Всемирной Ассамблеи Мира. Фото В. Егорова

предпочитают вести свою полезную деятельность, не влияя ее в общий поток. Силы мира растут, и Ассамблея в Хельсинки означает собой важную ступень этого роста.

Можно назвать много вопросов, по которым не было разногласий. Каких бы взглядов ни придерживались даже те участники Ассамблеи, которые приехали в Хельсинки в качестве наблюдателей, — все присутствующие осуждают попытки лишить Китайскую Народную Республику принадлежащего ей места в ООН. Ни один порядочный, дорожающий своей репутацией человек не призовет ныне к сохранению колониальной системы. Все стоят за разрешением споров путем переговоров.

Конечно, есть разногласия по вопросу о путях к миру. Необходимость разоружения признается подавляющим большинством. Но разоружение предлагается осуществить разными способами — споры не исключены.

Однако по очень важной проблеме определено почти полное единодушие. Это — проблема запрещения атомного и водородного оружия, прекращения его производства. При всей ценности некоторых предложений Бертрана Рассела, его скептицизм относительно возможности запрещения атомной бомбы нашел мало последователей. Бомба должна быть поставлена вне закона! Контроль над осуществлением этого возможен, осуществим.

Люди на Ассамблее за шесть дней ее работы очень сблизились, подружились, узнали друг друга и поверили друг другу. Встречи вне стен зала Мессухали следуют одна за другой. Все часы и минуты здесь посвящены тому, чтобы укрепить прочный фундамент великого здания всеобщего мира.

Вчера состоялось вручение Международных премий мира, присужденных венгерскому композитору Бела Барток (посмертно), бразильскому писателю и видному общественному деятелю Жозе де Кастро, голландскому кинорежиссеру Йорису Ивенсу, итальянскому писателю-сценаристу Чезаре Заваттини.

От имени жюри присуждению Международных премий мира с речами выступили турецкий поэт Назым Хикмет, французский писатель Веркор, бразильский писатель Жоржи Амаду и советская писательница Ванда Василевская.

Б. ЛЕОНТЬЕВ, специальный корреспондент «Литературной газеты» (По телефону)

К сожалению, в этом направлении делается еще мало. Очень часто малек гибнет в «зamorных» лиманах и озерах. В связи с тем, что на степных речушках, впадающих в эту систему лиманов, за последние годы построены колхозами ряд заград, сразу же после паводка стал прекращаться в лиманах доступ пресной воды. Рыба гибла и плохо росла. Даже раки, которые добывали в лиманах множество, почти перестали. Дело дошло до того, что стали вылавливать все живое, чтобы не пропало добро. Но вот в станице Привольной для нужд колхоза были пробиты четыре артезианские скважины, и в лиман потекли четыре ручейка пресной воды. Уже через год уровень воды в лимане поднялся, началась бурная жизнь. Привольненцы говорят, что они давно уже не видели в своем лимане столько малька, в частности саймы. Новое появилось раки. Если стали расти быстрее. Думается, припавший случай должен заинтересовать работников Главывода...

Не пора ли составить план восстановления рыбных запасов, и не только на одном Азовском море? На многих реках и озерах промысловые артели и бригады ежегодно допускают хищническое истребление малька, о чем уже много раз писалось и говорилось. На Азовском море надо быстрее налаживать лиманное хозяйство и научиться бережно сохранять то, что появляется на свет заботами самой рыбы о потомстве. Конечно, это ни в какой мере не исключает и искусственного разведения рыбы.

В Азовском море достаточно кормов, чтобы прокормить рыбу в несколько раз больше, чем есть ее сейчас. Нога снова зачислить Азовское море в штаты Министерства рыбной промышленности как море, в котором можно в изобилии ловить не только тальку с хамсой. Пора бы так организовать охрану рыбы в этом море, чтобы впрямь никому не повредило было варварски расширять папи природные богатства. Об этом уже давно говорят сами рыбаки. Вот тогда, пожалуй, перестали бы раздвигаться на рыбачьем море команды: — Дави «снитку!» Спасай план!..

Андрей ШМАНКЕВИЧ

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

„Заплатное“ море

Азовское море!... Серое, полупрозрачное рыбачье море. По праву считается оно с древнейших времен одним из самых рыбных морей во всем мире. Старикам, пожалуй, не стоит объяснять, что такое азовская тарань, керченская селедка, знаменитые рыб и шемая. А вот тем, кто моложе, чтобы они не думали, что в Азовском море, кроме тарани и хамсы, да бычков, никакой другой рыбы не водится, стоит рассказать, что в недавнем прошлом ловились в больших количествах и знаменитая керченская селедка, крупная тарань, не имевшая себе равных по вкусу, ловились лупозубые сулуды (сузда), такие же саймы (шараны), леми-свогородки (чебаки), рыб и шемая, которые были известны по всей стране.

Как же случилось, что такое богатейшее море превратилось, по сути дела, в заплатное хамсово-талькуное море? Куда девались его богатства? Может быть, корм стало меньше? Может быть, климатические условия изменились? Нет.

Тогда почему же?

По многим причинам. Но если свести их воедино, то можно определить одним словом: бесхозяйственность!

Начнем рассказ с того, как крохотная рыбацкая талька поживает в Азовском море пудовых судаков.

Пришла новая весна, а с ней и новая путина. Горячая пора у рыбаков. Неждо за неводом, «лавой» уходят ставни в море порой до самого горизонта. Конечно, очень важно выставить невода во-время, по еще важнее их своевременно убрать. Но в том-то и беда, что приказом о снятии ставных неводов каждый год запаздывают, и не на один-два дня, а на месяцы.

Тальку, мелкую рыбешку, похожую на молодое сельдь, ловят в Азовском море с незапамятных времен. Раньше ее ловили примитивными орудиями, следовательно, ловили не так уж много, несмотря на огромные запасы этой рыбы в море. Талька, как и вся прочая азовская рыба, хороша на вкус, ее солили, вялили и коптили. Но в какой-то довоенный год, когда стали

применять ставные хамсово-талькуные невода с очень мелкой ячеей (меньше сантиметра), талька здорово выручила промысловиков. С тех пор эта рыбешка стала «ведущей». Планы начали строиться на вылове хамсы и тальки. Да иначе теперь и нельзя: с первых же тальчных путин промысловики подрубил сук, на котором сидели! Дело в том, что вместе с талькой в ставни попадает и там думается в огромных количествах малек всех других, более ценных пород азовской рыбы.

Без особого вреда морю (если не считать подрыва кормовую базу судака и красной рыбы) тальку можно вылавливать зимой и весной — в марте, апреле и мае. В это время еще нет у берегов малька ценных пород рыбы, он еще держится в лиманах, там же вывелся из икры. Весной и сама талька, еще не выметавшая икры, и жирна и вкусна — добавляет ее есть смысл. Но вот наступает лето. Малек ценных пород рыбы настолько уже окреп и подрос, что начинает косяками выходить в море. Выходит и... тут же попадает в ставные невода.

Почему же они стоят? Ведь и сама талька, уже выметавшая икру, превратилась в личинчатую рыбешку, потерявшую жирность и все вкусовые качества. Зачем же ее добывать, если она годна только на удобрение? Секрет прост и возмутителен: не выполняли квартальный план! И вот, в жертву выполнения плана приносятся все — портится от длительного пребывания в воде ставные невода, стоящие тысячи рублей, гибнут тысячи центнеров малька, у которого, по определению рыбаков, «еде глазки различны», заранее обречаются на провал последующие планы. Только при законе прилове малька в два процента ежегодно гибнет, по подсчетам научных работников, до 24 тысяч центнеров молодого ценного порока рыбы! Попробуйте представить себе, сколько гибнет промысловой рыбы, если малек, скажем, тарани весит полграмма, а промысловая тарань — 300—500 граммов. Ведь надо 24 тысячи центне-

ров потратить, чуть ли не на тысячу! А если пересчитать на взрослого судака, саймана? Получится невероятная цифра. Да к тому же мы взяли только законный прилов малька, разрешенный правилами рыболовства, а прилов иногда достигает и 30 процентов и 40... И если даже рыбаки, заботясь в неводах малька, стараются ее выпустить, тальку будет мало; малек настолько нежен, что малейшее повреждение чешуи ведет к его гибели.

Плохо живется мальку и осенью. На севере Азова снова промышляют тальку, и, стало быть, снова гибнет молодой ценный порода, а на юге можно наблюдать даже лов малька хамсы.

Бывают годы, когда хамса подходит к берегу Пересыпи густыми косяками, и ее ловят много, но бывает, что и не подходит, что вместо взрослой, трехлетней хамсы подходит так называемая «нитка» — малек хамсы. Она величественно со спичку и чуть потянешь спичку. Ее нельзя ни солить, ни мариновать, следовательно, никакого значения как пищевой продукт «нитка» не имеет. По законам рыболовства добывать ее запрещено, в план она не засчитывается, но если план под угрозой, раздается команда, порой высокого рыбного начальства: — Дави «снитку!» Спасай план!

И, повиновшись приказу, рыбаки, с болью в сердце, принимают добычу «снитку». Малек хамсы превращается приказом в промысловую рыбу, засчитывается в план и... идет на удобрение.

Второй вид бесхозяйственности. Взгляните на карту Азовского моря — и вы увидите, сколько крупных и мелких лиманов врезается далеко в сушу, начиная от устья Дона на севере и кончая Керченским проливом на юге. А что такое лиманы для Азовского моря? Это природные заводи для разведения рыбы. Но весне, когда тальные воды опресняют лиманы, с моря в них громадными косяками заходит рыба метать икру. Чтобы рыба свободно могла проходить в лиманы и выходить из них, надо делать проколы в камышовых зарослях, регулировать приток пресной воды, а когда появится малек, позаботиться о том, чтобы он не оказался запертым в пересыхающих водоемах.

После Второго съезда писателей

ПЕТРОВАВДСК. (Наш корр.). После Второго всесоюзного съезда писателей жизнь литературных организаций республики заметно оживилась. Было проведено несколько собраний писателей и заседаний секций, на которых обсуждались творческие задачи, поставленные съездом, и новые работы литераторов республики. Обсуждены произведения, напечатанные в журналах

Любовь КАБО

1. Однажды мы с ребятами засиделись в опустевшей школе и разговаривали по душам. И вдруг Виктор, десятиклассник, прекрасный физик, одаренный математик и физик, отличный волеист, человек скромный, молчаливый, немного замкнутый, засмеялся каким-то неожиданным для него жестокатым смехом — таким, что все ребята невольно на него оглянулись:

— В какой вуз идти? Выбирать не приходится. В какой примут...

Ребята сочувственно молчали. Кто-кто тоже засмеялся:

— А что? Правильно...

Родился он в войну или незадолго до войны — наши сегодняшние школьники, все те, кому сейчас 14—18 лет. Их заболело беречь от беды, от лишений — не всегда это удавалось... увозили от бомбежек, вытаскивали из сибирских холодов. Шедшая россыпью победных салютов заслоняла в детской памяти неровное миганье военной котляки.

Для них многое знакомо только по литературе: смертельная опасность, потери, страдания... большинство из них знало об этом понаслышке. В жизни, говорят, встречаются трудности, об этом постоянно напоминают и в школе. Они и сами привыкли обо всем этом говорить: о романтике преодоления трудности, о героике труда, о чувстве ответственности, о лучших чертах советской молодежи. В старших классах они совсем неплохо доказывают, что одна из особенностей коммунизма — уничтожение существенного различия между умственным и физическим трудом...

Сданы последние экзамены, экзаменаторы проверили стоки ученических сочинений, где очень убедительно и очень кстати сказано все, что можно и нужно в данных обстоятельствах сказать... выпускники же тем временем устремляются в вузы. Почему именно в вузы? И — в какие вузы?

Тяжело бывает слушать разговоры этих выпускников. В Пахляновском институте, оказывается, учиться легче, в Бауманском — труднее. В МГУ без медали и идти не стоит — не пропустят. В Финансово-экономический? Туа, говорят, принимают с тройками, но крайней мере, в прошлом году принимали. Полкласса идет в Энергетический — и сесек по парте и еще какой-то там замкнутый другок, — это тоже соблазнительно немаловажно. Медицинский? Нет, благодарим покорно, у мамы есть знакомый врач, уж мама-то знает. Педагогический? О городском педагогическом, пожааау, стоит подумать...

Звучат, конечно, слова, продуманные и произнесенные, и чувством долга перед народом, и велением комсомольского сердца. Но есть и другое: бестовое метанье, повторение с чужих слов глупости, избалованность, элементарный страх перед трудностями. Лишь бы в вуз, в какой угодно!

Мы идем ко всеобщему десятилетнему обучению. Мы готовим юношей и девушек с полным средним образованием для всех областей нашей производственной и общественной жизни. Мы готовы прямо со школьной скамьи помочь им овладеть любой специальностью. Но мы плохо готовим их еще в стенах школы к многообразному и все же легкому труду, к деятельной, мужественной и вдохновенной жизни.

Думается, что в школу должны почаще приходить люди с мозолистыми рабочими руками, с хорошей трудовой биографией, ребята их должны знать так же хорошо, как самых уважаемых учителей. Доступно это школам? Вполне. А школы, даже имеющие эти возможности, используют их неохотно, робко, «со скрипом». Организуют две-три подобные встречи — поменьше, шумно — и успокоятся и пойдут на завтра. Нужно не это — нужна будничная, деловая связь школы и производства. Почему время от времени не использовать на производстве ребят, как это уже делают в некоторых школах? Владимир Ильич Ленин писал когда-то об использовании «каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия» для решения задач политехнического образования. — разве это пожелание и сегодня не звучит современно? Когда-то, семиклассники, мы проходили что-то вроде производственной практики на шестушечном над школой механическом заводе. Это запомнилось на всю жизнь: деловой ритм заводского дня, одобрительные взгляды работающих рядом взрослых и опытных людей, теплая, словно живая, деталь на ладони... Почему мы обкрадываем наших детей? Думается, что отдаем им все, и лишаем их простой, человеческой радости: видеть вещи, сделанные собственными руками!

Мы не ставим своей задачей указать конкретно, как осуществить связь школы и производства. Здесь мы говорим только об одном из следствий «словесного» воспитания: неподготовленности наших ребят к трудовой, самостоятельной жизни.

В школе детям очень хорошо, подробно и толково объясняют, что хорошо, что худое, что достойно подражания, а что — осуждения. Ребята все это знают наизусть, и воспитатели — особенно молодые и опытные — очень удивлены, почему это не обеспечивает отличной успеваемости и превосходного поведения. И тут нельзя не вспомнить замечательную мысль Макаренко: «По нашему глубокому убеждению, широко принятое у нас словесное воспитание, то есть бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопричастной гимнастики поведения — самое преступное «вредительство». Сознание, не построенное на опыте, на деле прежде всего слабоослабно, во-вторых, одиноко, не способно творить никакую практику — это то, что для нашего общества наиболее опасно».

Речь, конечно, идет не о возвращении вепять — к временам, когда школа была чем угодно, только не школой, когда она даже задачей своей не ставила выпускать востребованно образованных, грамотных людей. Речь идет о том, что ребята наши должны расти людьми, не боящимися трудностей, не чужающимися никакого труда.

В тех пионерлагерях, которые мы, люди нашего среднего поколения, с благодарностью вспоминаем, не было целого штата уборщиц, нянечек, садовников, официантов. Мы, сколько помнится, со всем управлялись сами. Нам запомнились сложные военные игры и многоверстные походы. Помним мы и работу в колхозе — работу, после которой потное тело зудит от насыпанной в ворот соломенной струхи и каждая косточка поет, и такое чув-

ство счастья в душе, какое и не снится бедноручкам, скучно сляпывающимся по территории многих нынешних пионерских лагерей.

Вокруг наших ребят вечно кто-то существует, что-то за них делает, как-то их обслуживает. И как мало делают для себя сами ребята!

Нам возражают: сейчас не двадцатые и не тридцатые годы, мы стали жить богаче и лучше, мы имеем средства на то, чтобы создавать нашим ребятам жизнь удобную, нарядную, чтобы содержать так называемый обслуживающий персонал. Ох, что-то нам надо в этом деле продумать!

В коммуне у Макаренко каждый день, каждый час требовал от детей единства слова и дела, они не только говорили о словах труда, — они работали. Не только писали сочинения о чувстве ответственности, — они и в самом деле отвечали за все: за школу, завод, друг за друга, за каждый день своей жизни. И выпал в жизнь закаленным душевно и телесно, прочно усвоив правильные нормы, настоящую гимнастику поведения, которая и без помощи со стороны подсказывает, как поступать в том или ином случае.

Во многом виноваты родители. Стоит, например, объявить какой-нибудь субботник или воскресник, иная мать непременно явится с претензиями: разве в школе не хватает «яничек»? Мы заплатим им, если это нужно... Но разве ребята сами не могут заглянуть на зиму окна или убрать за собой классы?

А что делается в школе накануне экзаменов? Учителя безошибочно знают, чьи родители в эти дни появятся в школе. К их ребенку нужен индивидуальный подход, он болезненный, нервный, его, конечно, надо спросить еще раз... «Мой сын так всегда о вас отзывается...»

И сколькоким родителям во время выпускного экзамена во что бы то ни стало требуется золотая медаль! Именно родителям — сами выпускники умненько помалкивают, они вовсе не убеждены в своей исключительности и заслугах. Но папам и мамам медаль нужна! И выстраиваются вдоль школьного коридора родительские пикеты, и тяжело смотреть в напряженные, несчастные лица, и до последней степени тяжела и обидна для школы та обстановка тихого психоза, которая порой создается на экзаменах — не учителями, нет, и не самими учениками, а этими вот не в меру ретивыми родителями — слепыми, влюбленными, готовыми грудью своей прикрыть возмужавшее дитя от малейшего удвоения жизни.

2. Во многом виноваты школа, родители, комсомола, но во многом виновата и наша литература.

Наши ребята читают чудесные книги: о молодоговардейцах, о мужественном Кочержике, о летчике, оставшемся без ног, о революционере Баумане... Они прекрасно разбираются в том, что такое плохо, что такое хорошо, — этому мы их научили. Величайшим счастьем кажется им сланивая дружба краснодарских ребят, судьба Зои Космодемьянской, железная воля Мересьева. Но... все это было с кем-то, когда-то, в каких-то исключительных обстоятельствах. Это все идеал — в жизни иначе... И ребята кажется: то, что сегодня, — это не главное. Главное — дождаться своего великого противостояния, того дня, той минуты, которая — вдруг! — потребует от тебя и мужества и беззаветной смелости. Но мы, взрослые люди, хорошо знаем, что такое исключительное, озорное время лучшая, мгновение может и не прийти, но это не значит, что будни, каждый день, каждая минута не потребуют от нас душевного величия, всего запаса мужества и выдержки.

Вот тут литература и должна прийти на помощь. Она разбудила чувства, — она должна их организовать. Рядом с замечательными книгами об обстоятельствах и в самом деле исключительных должны бы появляться не менее замечательные — о простых, будничных делах. Чтобы в глазах ребят приобрел значительность каждый их день, такой, казавшийся бы, прозаичный, чтобы эта вот романтика, без которой молодая не мыслит существования, властно вторглась в обыденную производственную, или школьную, или предположим, вузовскую жизнь, приподняла, разворожила бы ее, показала, какую радость доставляет каждый трудовой день, какого героизма потребовать. «В жизни, знаете ли, всегда есть место подвигам». Раскрыть этот чудесный горьковский тезис — вот в чем, думается, наша задача.

3. Можно и влюбить своего героя, и заставить его терзаться сомнениями, и повести его после работы на стадион или в Третьяковку, а он все-таки останется плоским, как крышка письменного стола, на котором он создан. Во всех любимых молодостью книгах есть тот романтический восторг, то обаятельное сочетание суровости и лиризма, то дыхание молодости, без которых душевный разговор с юным читателем просто невозможен. А говорить с ним нужно о многом. Разбить установившееся у него предрассудки и схемы, раскрыть удивительное многообразие жизни, научить ничего не бояться — ничто! Бросаться на самые трудные, самые, казалось бы, «пропажеские» участки. Научить его, находящему уважению к людям труда, возбудить в нем самом жажду трудиться.

3. Там, где господствует «словесное» воспитание, трудно, невозможно сплотить ученический коллектив. Во многих так называемых школьных повестях установилась, к сожалению, одна схема: плохой ребячий коллектив — умелое учительское слово (найденное иногда с исканиями, иногда без исканий) — коллектив хороший: плохой мальчик — умелое учительское слово (иногда с индивидуальным подходом) — мальчик хороший. Так все, в сущности, гладко, просто... Иногда учитель в припадке малодушия уйдет из класса, иногда усомнится в своем призвании, иногда всплакнет даже, если это человек молодой и неопытный, но пройдет некоторое время, и, глядя, словно его опять творит чудеса.

4. Между тем нельзя одними увещаниями или угрозами создать деятельный, сплоченный коллектив. А коммунистического воспитания вне коллектива нет, — это педагогические азы.

Ребята размыслили на свалке, пританцовали в школу пружаженный, казалась бы, абсолютно непригодный мотор. Учитель выдал двоек: «Хочешь исправить двойку по физике? Еще бы не хотеть! Помнишь, заглядывая в учебник, ученик копошился не час и не два, пока мотор не был разобран, вычищен, приведен в годность. Физиономия мальчика сияла: давно он не испытывал такого торжества, такого откровенного доверия к себе! Что это такое? Это — воспитание характера».

Тот же учитель, когда дело стало за средствами для физического кабинета, не задумываясь, взял деньги, предназначенные для окраски школьной ограды. — Ограду мы и сами выкрасим — верно, ребята? Конечно, это же так интересно — сами! И еще неизвестно, какой класс справится с этой работой лучше... Что это такое? Это воспитание ученического коллектива. Когда ребята вместе монтируют радиоприемник, или готовят союбка умный, деловой вечер, или, предположим, помогают в расчистке заводской территории, — словом, когда они не только говорят, но и трудятся сообща, — мы понимаем, что, переживая общие огорчения, общие трудности, общую гордость, общие сплавиваются, в конце концов, в дружный, крепкий коллектив. Совсем не много слов нужно, чтобы коллектив этот себя осознал.

Но что будет, если коллектив воспитывать только словами? Владимир Ильич Ленин говорил: «Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие упреждающие речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание». Владимир Ильич Ленин указывал также, что молодое поколение «должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пуская самую маленькую, пуская самую простую».

Та маленькая практическая задача, о которой говорит Ленин, какова она? Иные пожмут плечами: что значит «какая»? Учиться, конечно!...

Между тем Владимир Ильич очень ясно говорит о сочетании задач учебных с общественной работой, с практическим общественно-полезным трудом.

Какую работу мог бы взять на себя, например, школьный комсомолец? Из множества задач хотелось бы указать на одну — трудную.

Он не встречал на улицах, в трамваях и автобусах, в парках, кино, в собственном подъезде мальчишек лет десяти — пятнадцати в как-то особенно небрежно сдвинутых кепках, подросток, пинающих в толпе с вызывающим видом, разоблаченных, подчеркнуто произносящих грязные, пощадные слова? Кто из нас не проходил торопливо мимо них, виновато опустив глаза, с чувством смутного недовольства собой? В самом деле, кто всерьез занимается этими ребятами — школа, милиция, комсомола? Думается, что это — дело в первую очередь школьного комсомола.

Очень трудное дело, да. Очень ответственное, конечно! Дело, в котором нужны и выдержка, и находчивость, и смелость, которое не каждому, может быть, даже по плечу, но дело, которое одинаково необходимо и этим вот безнадзорным ребятам, и многим мало инициативным комсомольцам.

Пустяк-а ответят за всех ребят прилегающей к школе микрораиона! Пусть распахнут двери школы, шагнут из нее в жизнь, — давно пора это сделать.

4. И, наконец, разве не следствие «словесного» воспитания — бумажка, параднично, этакое сноркающее шагополучение, работа папоза?

Зайдите в такую школу. Вас поведут по нарядной лестнице в установленный цветами, устланный коврами директорский кабинет. Что вас интересует, — пожааау! Воспитание чувства товарищества? Минутку... Вот, взгляните: беседа о дружбе и товариществе прошла по всем классам, вывешен список литературы на эту тему. Связь с производством? В четвертых классах слушали такого-то лауреата, с девятиными проведена экскурсия на завод...

Вас поведут по классам, пригласят заглянуть в методический кабинет с пожелтевшими разработками в нарядных обложках, проведут в актовый зал, где учителя в этот момент обговаривают с ребятами очередную тему: что такое, например, социалистическое отношение к труду, — и везде, куда бы вы ни пошли, за вами будут следить милые, живые, насмешливые глаза: ребята все видят, все знают! Они знают цену словам о «связи с производством», знают причину суматохи среди учителей и директорского усердия. Снимаем ли мы, что делаем, мы, воспитатели?

На школьном диспуте, ну, предположим, о коллективизме, выступает ученик А. Он развязен, смея, язык у него, что называется, «хорошо подвешен» — вчера ученик А. отказался навестить больного товарища, но это ничего не меняет, — он лучше всех говорит в классе, и знает это, и выступление доверено прежде всего ему. Учитель торжествующе оглаживает аудиторию: все ли видят, как хорошо подготовился к диспуту девятый класс «В»!

Там, где работают папоза, может возникнуть подлая «философия»: во что важно, что ты думаешь и чувствуешь, — важно, что ты пишешь и говоришь. Там, где слишком много говорят — и только говорят, — там развивается равнодушие к словам, этаким дешивейшим скитаниям, бивальтеское фронтдерство.

Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, вешают, как платье. Конечно, слово — великая сила, способная творить чудеса. Мы решительно выступаем за школьные диспуты, если проводятся они умно и живо, за содержательные классные беседы. Мы за живое, горячее, деловое слово. Мы только против слов, безпретворных в конкретное, общественно полезное дело, против того, чтобы воспитание наших ребят ограничивалось словами и сводилось к одним только словам.

Вот и все. Задачу мы перед собой поставили, в сущности, акромую — указывать на крупнейшие с нашей точки зрения, зло в школьной воспитательной работе. Если в какой-нибудь школе нет этого, значит, лучше. А если все-таки есть?

Всему духу, всем традициям советской педагогики чудно так называемое «словесное» воспитание, этак говорливый, безобидный на первый взгляд и в сущности сводящий к опасности!

ДОБРОГО ВАМ ПУТИ, ДРУЗЬЯ!

Окончена школа, и в руках аттестат зрелости. Пусть немного грустно расставаться с родной школой, пусть немного тревожит неизведанность новой, избранной дороги, но они уже зовут — тысячи и тысячи прекрасных дорог.

И как приятно после шумного выпускного вечера плечом к плечу с друзьями, затанцовать любимую школьную песню, пройтись по притихшим ночным улицам и площадям столиц!

К памятнику Пушкину в светлую июньскую ночь после выпускного бала подошли три подруги — Татьяна Александровна, Лия Топорова и Тамара Лещева — выпускницы 172-й московской школы. Пришли просто постоять, помолчать, помянуть. И кажется, что с высокой пьедестала это их приветствует великий поэт:

Здравствуй, племя Младое, незнакомое!

Над Москвой восходит солнце. Первые лучи его уже скользнули по лицам подруг. Родается новый трудовой день. Для вчерашних школьников — это большой день новой жизни, полной труда, творчества, учебы, беззаветного служения Родине. Доброго вам пути, друзья!

Фото А. Ляпина

ОБЗОР ПИСЕМ

Решающая роль принадлежит общественности

В одной из своих публицистических статей М. Горький назвал хулиганом существо, лишенным социальных чувств, не осознающим вокруг себя присутствия каких-либо ценностей и даже ценности своей жизни.

Хулиганство многолико. Начинаясь с озорства, с непенурной брани, пьяной драки на улице и дома, оно порой принимает формы полного разложения личности, переходит в уголовную, в бандитизм. О необходимости суровой борьбы с хулиганством говорится в статье И. Сельвинского («Литературная газета», 10 марта). Об этом пишут многие читатели.

Письма читателей, посвященные борьбе с хулиганством, идут со всех концов страны: с Дальнего Востока и с Украины, из Средней Азии и с Урала, из больших городов и глубинных селений. Мастер Горьковского автозавода имени Молотова И. Кочетов, фрейтор милиции Магомед Гаджиев из Махачкалы, фельдшер А. Журавлев из Сычелки, пенсионерка О. Лихачева из Москвы, Д. Гончарук из Янги-Юля и многие другие читатели поднимают в своих письмах вопросы, имеющие общественное значение. Письма читателей исполнены заботы о том, как избавить коллектив советских людей от поворного пережитка прошлого — хулиганства.

Подчеркивая большое значение вопроса, затронутого И. Сельвинским, многие читатели находят, что статья не исчерпывает всех сторон проблемы, не вскрывает всех каналов, по которым проникает в наше общество хулиганство, а меры борьбы с ним предоставляются милиции и общественно-показательным судам, тогда как эти меры далеко не достаточны.

«Назва серьезную болезнь, товарищ Сельвинский продолжил довольно неэффективные способы ее лечения. Недостаточно привлечь к борьбе с хулиганством одно общественное мнение. Надо побороться о том, чтоб у нас не было праздного болящего молодежи. Только труд может пересоздать человека, закалить его волю, изменить характер», — пишет инспектор Южандского горно В. Самойлин. Это мнение разделяют А. Галинина из Ленинграда и В. Попов из Свердловска, Ворошиловградской области.

Полковник в отставке Т. Губа из Запорожья, В. Цомаев из Орджоникидзе пишут о том, что существуют еще бездельники и спекулянты, ведущие паразитический образ жизни. Эта категория людей, лишенная моральной трудовой основы, быстрее всего поддается разложению. К сожалению, к бездельникам, к людям неопределенных занятий и общественности и милиция относится порой слишком либерально. На существование спекулянтов мы смотрим подчас сквозь пальцы и даже прибегаем к их услугам. Мы будто не замечаем того, что эти люди оказывают свое пагубное влияние на окружающих.

Читатели обращают внимание на необходимость усилить воспитательную работу среди молодежи.

— Вопросы воспитания с детства: в школе, в пионерских организациях, в комсомоле, а также на предприятиях и, наконец, воспитательная функция суда — не всегда стоят на высоте современных требований, — пишет П. Шунтук из Барановичей и подполковник А. Андрусъ (Москва). — В этом важнейшем деле нет у нас необходимой целенаправленности со стороны всех общественных и административных организаций.

Говоря о недостатках в воспитании школьников, читатели называют много причин, способствующих проникновению хулиганства в среду подростков.

Саратовец А. Горьков видит коренной недостаток воспитания в разрыве гармонического сочетания умственного и физического труда. Одностороннее умственное развитие ребенка не исчерпывает всего запаса его энергии. Эта непереработанная энергия ищет выхода и часто находит его в озорстве, хулиганстве. «Нужно ли доказывать, какую огромную роль играет труд в формировании личности? Однако во многих школах трудовое воспитание отсутствует», — говорится в письме работница Сибирского металлургического института В. Дорофеева из города Кемерово.

«Необходимо, чтобы во всех учебных заведениях поведению учащихся уделялось особое внимание», — предлагает киевлянин В. Николаев. — «Молодежи и даже некоторым взрослым нужно повседневно, опираясь на конкретные примеры, прививать чувство уважения к окружающим, долга и порядочности по отношению к старшим, к своей семье, к товарищам. Нужно формировать у них отношение к грубости, дерзости, непослушанию, сквернословью».

Для повышения ответственности родителей за воспитание в семье следует не только подвергать родителей штрафу, а также обязывать их присутствовать на собраниях и судебных процессах, на которых разбираются дела о поведении их детей.

Одну из причин проявления хулиганства некоторые читатели видят в том, что плохо организован досуг населения. Рабочий фарфорового завода С. Синельников из города Коростень, Житомирской области, рассказывает о том, что вся деятельность городских клубов и домов культуры сведена к показу кинофильмов и танцам, которые нередко кончатся драками. Куда пойти, чем заняться? — Люди активные находят применение своим силам. Слабовольные и ленивые не ломают над этим голову. Они пьянствуют, хулиганят.

О запущенности культурно-просветительной работы говорится в письме читателя М. Зралиева из села Янги-Базар Верхне-Черечского района, Ташкентской области. «В селе, где я живу, — пишет он, — не было ни одной лекции на воспитательные темы».

Москвич И. Бышев критикует издающуюся у нас литературу на тему о воспитании. — Выпускаемые брошюры, — говорит он, — неинтересны, обтекаемы и мало действенны. Газеты и журналы редко помещают серьезные статьи о воспитании.

Нужно разоблачать хулигана в кино, в пьесах, по радио, бить его словом, рисунком. Нужно развенчивать дешевой «героизм», — говорят читатели. Лейтенант милиции В. Штарев из Омска пишет о том, что у нас издается мало книг и фильмов, таких, как «Путька в жизнь», которые сыграли большую воспитательную роль.

Много места в письмах уделено деятельности милиции. Читатели приводят многочисленные примеры равнодушия милиционеров к проявлениям хулиганства.

«Можно сказать, что среди работников милиции существует хулиганобозавь», — говорится в письме В. Николаева из Клева. — Нередко приходится наблюдать, как в трамвае скандальничавший субъект. Грубит пассажирам, кондуктору, лезет с кулаками к людям, сделавшим замечание. В том же вагоне — милиционер. Во многих письмах читатели ставят вопрос о необходимости предоставить работникам милиции более широкие права в борьбе с хулиганством.

Читатели В. Попов, С. Инопина, Е. Поломошова, С. Казаров считают, что милиция в ее борьбе с хулиганством должна помогать все наша общественность — партийные, комсомольские и профсоюзные организации. Необходимо, пишут товарищ одесского завода «Ветинструмент» В. Войтович и комсомолец москвич В. Бельный, более широко привлекать к работе в бригадах содействия милиции молодежь.

«Хулиган — человек, требующий самого пристального внимания нашей общественности. Но натуры своей — он трус, как правило, слабоумен. Нельзя бороться с таким злом, как хулиганство, только приговором судов и протоколами милиции. Решающая роль в этом вопросе принадлежит общественности», — пишет заслуженный врач РСФСР С. Казаров из Махачкалы.

Читатели высказывают мнение о том, что нужно обязательно доводить до сведения партийных и общественных организаций нарушения отдельных лицами норм поведения, разбирать эти случаи на широких собраниях, бичевать нарушителей. Борьба с пьянством и сквернословием есть часть большого дела искоренения хулиганства. Это послужило письму читателя С. Эклера, И. Блохина, И. Антова.

Активная, настойчивая, дружная борьба общественности против всех пережитков прошлого, и в том числе против хулиганства, уверенно заявляют читатели, приведет нас к желаемому результату.

Документы мира

Драгоценные свидетельства миролюбивой политики Советского государства собраны в одном из залов Всесоюзной библиотеки имени В. И. Ленина, где открылась большая выставка, организованная Министерством культуры СССР. Она посвящена деятельности со дня основания Организации Объединенных Наций, а также борьбе Советского государства за мир и безопасность народов.

Ленинский декрет о мире и Закон о защите мира — два знаменательных документа, близких сердцу каждого советского человека, — мы видим на стенде, открываемый залом выставки. На том же стенде: «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Обращение ко всем народам Х Всероссийского съезда Советов, постановления и резолюции съездов Советов по вопросам мира и многие другие документы.

Один из разделов выставки посвящен десятилетнему юбилею Организации Объединенных Наций. В центре его — национальные флаги государств, являющихся членами этой Организации. На стенде — текст Устава ООН, статьи, книги и фотодокументы, знакомящие со структурой и деятельностью ООН.

Речи В. М. Молотова, А. Я. Вышинского и других делегатов СССР на заседаниях и ассамблеях ООН, их предложения по вопросам устранения опасности новой войны и установления системы коллективной безопасности народов, томы документов «Внешняя политика Советского Союза» свидетельствуют о неустанной мужественной борьбе Советского государства за мир. Тексты договоров о дружбе, сотрудничестве и международной помощи между СССР и зарубежными государствами — наглядная иллюстрация успеха миролюбивой внешней политики нашей страны.

В экспозиции выставки включены многочисленные материалы, показывающие растущую и крепнущую борьбу народов мира за мир. Среди них документы о деятельности Всемирного Совета Мира, решения в декларации Бюро Всемирного Совета Мира, его Обращения к народам всех стран, листы с подписями против угрозы атомной войны. На фотопанорамах — лауреаты международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами». Выставка дополняют книги — художественные произведения и публицистика писателей, активных борцов за мир.

Студенты приехали из 25 стран

В потоке посетителей Всесоюзной сельскохозяйственной выставки всегда можно увидеть зарубежных гостей. И в павильоне «Колхозный дом культуры» в течение нескольких дней собралось много посланцев различных стран. Это молодежь, приехавшая на международный семинар студентов сельскохозяйственных учебных заведений, созданный по инициативе советских студентов и при поддержке Международного союза студентов (МСС).

В прошлом году в работе международной конференции студентов высших сельскохозяйственных учебных заведений, которая проходила в Софии, участвовали представители шестнадцати стран. В нынешнем семинаре — студенты двадцати пяти стран. Представители студентов США, Израиля, Бразилии, Ливии и Сирии не смогли прибыть по обстоятельствам, не зависящим от них.

На семинаре, который начал работать 22 июня, были обсуждены наиболее актуальные проблемы сельскохозяйственной науки; делегаты обменялись опытом своей научно-исследовательской работы.

В первый день работы семинара проф. И. Лаптев прочел доклад о проблемах соотношения производства и потребления сельскохозяйственных продуктов. Академик Т. Лысенко посвятил свой доклад питанию растений и повышению плодородия почвы. На пленарном заседании 23 июня с докладами выступили П. Жуковский (СССР), ван Бьеттен Гулзе (Голландия), Василе Бунган (Румыния).

После пленарных заседаний в нескольких комнатах широко обсуждались доклады. Ученики семинара выезжали в колхозы и МТС, позанимались с работниками экспериментальной базы Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина, побывали в Тимирязевке.

Вчера и сегодня участники семинара осматривали павильоны Всесоюзной сельскохозяйственной выставки имени В. И. Ленина, побывали в Тимирязевке.

Зарубежные гости побывают на экскурсиях в Кремле, в МГУ на Ленинских горах, на автомобильном заводе имени Сталина, посетят театры и музеи столицы.

Обсуждение стихов А. Прокофьева

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). На днях Ленинградские поэты обсудили на собрании своей секции новую книгу лирических стихов А. Прокофьева «Заречь».

Сообщение о «Заречь» слал Н. Браун, отметивший своеобразие языка, искренности стихов; «Заречь» — серьезная, интроскопическая работа, большая творческая удача поэта.

— Можно, конечно, пойти в «Заречь» и некоторые просчеты и недостатки, — сказал Г. Макогоненко, — но главное в том, что и в этой книге поэт верен своему пути, своему таланту.

Выступившие затем В. Азаров, Б. Кежун, А. Дымин, Б. Лихарев, А. Чепуров, П. Жур указали на то, что работа А. Прокофьева в области лирики имеет большое значение для дальнейшего развития советской поэзии. Лирические стихи поэта по-настоящему народны, проникнуты патристическим чувством, отмечены высокой поэтической культурой.

В конце обсуждения А. Прокофьев рассказал о своих творческих замыслах и прочитал новые стихи.

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«РАВНОДУШИЕ К ПАМЯТИ А. С. МАКАРЕНКО»

Под таким заголовком 7 мая «Литературной газете» было опубликовано письмо группы читателей из Харькова. В письме говорилось о том, что в этом городе, где долгое время жил и работал выдающийся советский педагог и писатель А. С. Макаренко, не увековечена его память.

Заместитель председателя исполкома Харьковского городского Совета депутатов трудящихся тов. Гетало сообщил, что имя А. С. Макаренко будет присвоено школе № 100 и библиотеке № 13. В Харьковском Доме учителя открывается постоянная выставка, посвященная А. С. Макаренко. В детском доме имени Державского, на территории бывшей колонии, оформляется комната, в которой будут собраны материалы по истории создания колонии и деятельности в ней А. С. Макаренко.

Главный редактор Харьковского областного издательства тов. Михалева сообщила, что в этом году в серии «Наши знаемые земляки» будет издана книга о Макаренко.

ТО, ЧТО ЧЕЛОВЕК БЕРЕТ С СОБОЙ В ДОРОГУ

Об «Избранном»
Симона Чиковани

Если каждая нация вносит свой неповторимый вклад в общечеловеческую культуру, то более глубоко понять особенность этого вклада, ощутить всю прелесть национального искусства, все своеобразие национальных поэтических традиций можно, лишь связав эти плоды культуры с самим деревом жизни, то есть с характером народа, с его биографией, с той почвой истории и природы, в которую уходит корни его бытия. Вероятно, эту почку истории и природы подразаумевал Гёте, сказав:

Wer den Dichter will verstehen,
Muss in Dichters Lande gehen*.

Территория горной страны простирается не только вширь, но и ввысь. «Орляных крыльев шедет у виска» слышит путник. Нужно их почувствовать так близко, чтобы понять непервичность поэтического образа в стихотворении, построенном в форме риторического вопроса:

Кто сказал, что будто бы мала
Моя отчина, Карти дораяг,
Что словно малый диск она легла?
Кто выдумал: мала земля родная?

А ну, поставь-ка скалы сверху скал,
В их серебре, в туманной пене,
Орляных крыльев шедет у виска
Послушай-ка и трубный крик оленей.

Думаю, что этот перевод стихотворения Симона Чиковани, сделанный Николаем Тихоновым, удался русскому поэту среди других хороших его переводов грузинских стихов и потому, что он — в соответствии с Гёте — пошел в страну своего поэтического оригинала, прошел вслед за автором по этой стране, исходил ее всю, во всех измерениях; живой укор тем, кто пишет в горных вершинах, не поднимаясь в своей жизни над уровнем моря выше четвертого этажа, да и то на лифте, и насладившись, по существу, своим прекрасным даром воображения, которое ничем так не возбуждается в поэте, как непосредственным опытом.

«Моя отчина, Карти дораяг» — в языке этого имени заключена память о легендарном прародителе грузинского народа. В известной части имени Чиковани — это характерно для грузинской лирики — пейзажно слит с историей и с легендой, с воспоминаниями о прошлом пути народа, о его борьбе с дикими ордями иноземных поработителей, об удивительных памятниках его искусства и труда. История входит в изображение природы. Первозданная красота природы оттеняется делом рук человеческих, памятью о военном или творческом подвиге. Перед развалинами Вардзизского пещерного города-монастыря, сооруженного еще в конце XII века в верховьях реки Куры, поэт грустит, что утрачено имя строителя, чья творческая мысль выдохнула и направила усилия многих людей в ланне времени. До наших дней сохранилось около трехсот домов-пещер в самых живописнейших, неприступных местах скал, не стерлись фрески на стенах поздней церкви.

Поэт советской эпохи гордится мастером прошлого, который «скальные эти просторы изукрашал твореньем своим». Особое его восхищение вызывает созданный искусством зодчего Вардзизский родник, чья светлая струя не иссякает. «Как струя Руставели, блещет светлый Вардзизский родник», — говорит советский поэт, и это сравнение в устах его не звучит книжно, потому что с героями бессмертного творения Руставели не расстается грузинский народ, и едва ли не большая часть стихов знаменитой поэмы вошла в пословицы. Эти образы прошлого служат эпохе социалистического создания. Нафос советских пятилеток звучит в обращении современного поэта к неведомому предку:

Не к лицу тебе, мастер, забвенья!
Сквозь ушедшие в вечность года
Не тебя ли мое поколение
Призывает в столетие труда?

(Перевод Н. Заболоцкого)

Поэт советской эпохи гордится мастером прошлого, который «скальные эти просторы изукрашал твореньем своим». Особое его восхищение вызывает созданный искусством зодчего Вардзизский родник, чья светлая струя не иссякает. «Как струя Руставели, блещет светлый Вардзизский родник», — говорит советский поэт, и это сравнение в устах его не звучит книжно, потому что с героями бессмертного творения Руставели не расстается грузинский народ, и едва ли не большая часть стихов знаменитой поэмы вошла в пословицы. Эти образы прошлого служат эпохе социалистического создания. Нафос советских пятилеток звучит в обращении современного поэта к неведомому предку:

Не к лицу тебе, мастер, забвенья!
Сквозь ушедшие в вечность года
Не тебя ли мое поколение
Призывает в столетие труда?

(Перевод Н. Заболоцкого)

* Тот, кто хочет понять поэта, должен отправиться в его страну.

В «столетие труда» призывана и строка Руставели.

Симона Чиковани увлекает образ охотника Синдаура в хевсурском народном эпосе, легендарный образ смельчака, который, преследуя зверя, забрался на такую крутизну, откуда он уже не смог спуститься, и погиб там. «Эй, подержись, сколько можешь, там, у предела природы!» — восклицает в стихотворении «По следам Важа Пшавела» современный советский поэт, влюбленный в родные горы и в «свиное веселье» гона, как и его предшественник в грузинской поэзии — несравненный мастер, по слову которого он идет. Образ самого Важа Пшавела в стихах Симона Чиковани становится как бы образом слияния человека с природой. И это опять же не кажется книжным, потому что Важа Пшавела, хоть и наивно искал решения проблемы взаимоотношений личности и общества в некоем патриархальном идеале жизни, но своим трудом и творчеством был с народом, широко используя в своей поэзии народные сказания и легенды, — и сам стал народной легендой. Однако, отдавая справедливую дань восхищения замечательному художнику природы, Симон Чиковани не прав, говоря о себе: «Я книги твоих отзвуков и мыслей двойник». Ити по следу великого предшественника и не сблизиться с ним — это значит идти к новому, к тому, чего тот не знал, да и не мог знать, к тому, чего предшественник при всем своем таланте, может быть, и не понимал.

В том же стихотворении «По следам Важа Пшавела» Симон Чиковани рисует образ пшана, приветливого о новой жизни, жаждущего понять «неведомой азбуки слово», избавиться от тоски дикого патриархального бытия. «Зарей освещенные люди» — так приветствует он пришельцев из долины, из советского города. В его речи возникает образ Синдаура, появляясь в стихотворении во второй раз, но уже в новом значении: смельчак легенды «скажет в долину спуститься», его смелость в том, как он без оглядок устремляется к новому, советскому бытию.

Среди образов колхозной жизни, хороши у Симона Чиковани «Дед» (в отчаянном переводе В. Державина), пожалуй, один из лучших колхозных дедов в советской поэзии. Художник любуется человеком, наслаждающимся трудом:

Часто дед со лба откидывал седины,
На небо глядел спокоем, вестю обломком,
Тер на шеткой стенки старого кушнина,
В темной глубине мерца я словно облаком.

Не просто жанровая картинка — веселье и сладость труда воплощены в отношении к предмету труда, как к чему-то, имеющему волю и душу: дед готовит кушнина, чтобы в нем

Поместить вино, как существо живое.

Это стихотворение хочется отметить, потому что в нем есть эмоциональная конкретность, которой недостает иным великодушным, но несколько холодноватым пейзажам и жанровым сценам Симона Чиковани («Дождь идет», «Посещение рыбака»).

Широко известна «Песнь о Давиде Гурамишвили» Симона Чиковани. Хотя содержание этой поэмы историческое и героем ее является замечательный грузинский поэт XVIII века, но нафос ее возбужден нашей победой в Великой Отечественной войне. До чего иногда в иной индивидуальной судьбе, как в малой капле, наглядно отражены общие законы истории! В отношении между народами самым естественным и непреодолимым чувством является чувство дружбы — вот о чем говорит удивительная повесть жизни Давида Гурамишвили. В литературном наследии Гурамишвили можно расслышать мотивы не только

высокой художественной формы. Расширена дорога для дальнейшего развития лучших традиций нашего изобразительного искусства. Это дорога смелых дерзаний, трудных и сложных поисков. Они отразились в экспонатах Всесоюзной художественной выставки 1954 года.

Большое место на этой выставке заняла жанровая живопись. Лучшие из представленных на ней жанров — картины С. Чуйкова, Ф. Шурпина, А. Платова, И. Шевандроновой, Г. Коржева, В. Токера, В. Гаврилова и других живописцев разных школ — обладают живостью и непосредственностью рассказа о повседневности. В то же время в них не исчезает ощущение значительности происходящих в стране событий. Она составляет как бы подтекст образов, в которых, как в канве воды, отражается большой мир советской жизни с ее устремленностью к высокой цели, напряженным ритмом деловых будней, светлой, всеобъемлющей человечностью и поэтичностью.

Работа над жанром — великодушная школа жизненной правды. Эту школу поможет художникам, когда они обратятся в важнейшим темам современности, запечатлеть во всей сложности и индивидуальности своеобразия человеческого характера, добиться ясности, яркости в изображении людей, их помислов, чувств, порывов.

Но далеко не все жанровые картины последнего времени радуют и удовлетворяют зрителя. Встречаются среди них холсты, удручающие своей мелочной анкетностью, примитивной наглядностью. Сюжетная картина — высшая форма живописи, и грешно растрчивать ее огромные выразительные возможности на пустяки. Еще более решительно возражение вызывает картину, авторы которой отдали целиком дань дешевой натуралистическим эффектам и умилительной слащавости, смакованию деталей мещанского быта.

ЦБ БИСС в своем призыве Второму всесоюзному слезу советских писателей, призывности, которое является программным документом для мастеров всех видов и жанров нашего искусства, указывая, что «для советских писателей — создавать искусство правдивое, искусство больших мыслей и чувств, глубоко раскрывающее богатый душевный мир советских людей...». Это требование в полной мере относится и к творческой работе художни-

ков. Те из них, кто сподает к плоскому бытовизму, мещанской ограниченности, довольствуется примитивными решениями, не достойны носить высокое звание художников — востителей дум нашего народа. Прямое отношение к деятельности живописцев имеет и призыв партии бороться против упрощения, заклявывая действительности и искаженного, однообразия ее изображения. Верность принципам социалистического реализма, нетерпимость ко всяким проявлениям эстетства, формализма и натурализма — непреложный закон жизни нашего искусства, стремящегося к богатству идейного содержания.

И в борьбе за содержательную живопись художникам огромную помощь может оказать, как оказывала на протяжении десятилетий, передовая советская литература. Речь идет, конечно, не о механическом перенесении в изобразительное искусство специфических для литературы методов построения композиции, сюжета и т. д. Ведь даже в иллюстрационной графике, — бесспорные успехи которой во многом объясняются тем, что художники черпали из своих листов сюжеты, характеры, колорит эпохи из произведений писателей, — мы обычно встречаемся с оригинальными приемами воплощения образов. Главное в том, чтобы, продолжая благотворные традиции русской классической живописи, наши художники обогащались опытом изображения жизни, мастерством постижения и раскрытия духовного мира советского человека, которые накопила наша литература.

По у жизни свои пути. Нельзя пройти мимо того тревожащего факта, что некоторые жанристы, отыскав сюжет, событие, происшествие, с иррациональной небрежностью относятся к специфическим требованиям живописи, не добиваются глубины и живости рисунка, цельности и красоты колористического решения, композиционной стройности — словом, совершенной художественной формы. А ведь это ведет не только к неизбежному снижению уровня мастерства, — любая идея, любой образный замысел остается всего лишь благими намерениями художника, если он не сумеет с необходимой полнотой, четкостью, органичностью выразить их на языке своего искусства, найти средства, неповторимые и единственные для воплощения данной темы, данной идеи, данного образа. Недостаточная забота о мастерстве тор-

ко грузинской, но и украинской и русской народной поэзии, ставшие родными для него, — этот факт дает основу для образа поэта, созданного Чиковани:

Три голоса зажег ты тростниковым
Своим пером и вместе их связал.
О братстве трех народов тихим словом,
О дружбе их впервые ты сказал.

(Перевод В. Державина)

Горячим обращением к своему далекому предшественнику, страстной бечевой и перекличкой с поэтическим предтечей и является «Песнь о Давиде Гурамишвили». На канве биографической Симон Чиковани впервые лирическому тему — «мой отклик бесконечность». С психологическим проникновением он сумел воссоздать переживания героя, его отношение к творчеству и природе, его раздумья и сомнения, страсти большой беспечной жизни духа, не примирившегося с этим «мгновением миром», с «спервавшим лживым миром». Герой-поэт возлагает свои надежды на «Давидиани», книгу своих стихов, к которой он относится, как к живому существу, творящему его волю:

Но по себе оставил я младенца,
Дал страну сердце, голос, мысль свою,
Да встретит он счастливый дальний день
Средь будущих друзей в родном краю.

В поэме Симона Чиковани есть две беседы Давида Гурамишвили со смертью, в которых с особой силой звучит мотив жизненности и философской поэмы, в которой талант Симона Чиковани развинулся, поэтическая мысль углубилась. Приятно видеть углубленную трактовку и современной темы в публицистических диалогах «На польской дороге» и «Песня за Одером», созданных Симон Чиковани в самые последние годы на основе впечатлений от зарубежных поездок. Как по-новому воспринимается в этих стихах образ советского паспорта, памятный по знаменитому стихотворению Маяковского, где при виде «пухлякушки книжицы» — «как бутылку, рот скривило господу». Современный советский поэт оказывается во внешне сходной ситуации перед польским пограничником, пересекая границы Польши:

Я встаю и, помедлив немного,
Пограничнику передаю
Паспорт с подписью твердой и строгой,
Подтверждающей личность мою.

У солдата в зрачках, как зарницы,
Промелькнули два ясных огня.
Он читает
И с перевод страницы
Переводит глаза на меня.

И взволнованным, радостным взором,
Не скрывая свое торжество,
Снова смотрит на паспорт, в котором
Отразились надежды его.

(Перевод А. Межирова)

С любовью вглядывается советский поэт в черты новой жизни, которая строится теперь и за рубежом Советского Союза, страны надежд. С уважением знакомится он с памятниками культуры народов Западной Европы, возмущаясь при встрече с селом Фредрика Шопена, благоговейно и настороженно вслушиваясь в тишину у могилы Гёте. Для советского поэта эти миролюбивые государства — тоже страны надежд.

Но всюду не покидает поэта образ «родины милой», гордое сознание «величия советской земли». С этой мыслью и образом не расстается автор поэмы о дружбе народов, вспоминая о доме на далеких дорогах. «Нес я думу свою, как сагазали», — говорит он. Сагазали — особое грузинское выражение: то, что человек берет с собой в дорогу. Книга стихов Симона Чиковани вся пронизана таким поэтическим пафосом, который позволяет расширить смысл этого выражения и сказать о характере его книги: сагазали — любовь к родине, то, что человек берет с собой в дорогу.

ДИСКУССИЯ О ВОПРОСАХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

Институт языка и литературы Академии наук Латвийской ССР организовал конференцию-диспут о появлении и развитии метода социалистического реализма в литературе. В конференции приняли участие ученые Риги, Ленинграда и Киева.

С докладом о развитии социалистического реализма в русской литературе выступил Л. Ершов. Возражая ему по ряду вопросов, Л. Ершова за неопределенное суждение вопроса о генезисе социалистического реализма рамками пролетарской тематики.

Много возражений вызвал доклад А. Иличинского «Об истоках социалистического реализма во французской литературе». Подробно анализируя «Интернационал» Пюте, А. Иличинский пришел к странному выводу, отрицающему объективное содержание произведений искусства: не будучи произведением социалистического реализма в момент своего появления, «Интернационал» по его мнению, стал таковым в наши дни, так как сейчас читатели вкладывают в него другое содержание.

Доклад Э. Сокола «Зарождение и развитие социалистического реализма в латышской литературе» был полемически затронут против тех критиков и литературоведов, которые считают, что в латышской советской литературе социалистический реализм возник лишь после 1940 года. Э. Сокол выступил также против теории «промежуточного метода» между критическим и социалистическим реализмом. Основная часть доклада была посвящена обоснованию тезиса о Я. Райнисе как основоположнике социалистического реализма в латышской литературе.

И. Бехмане сделала попытку проследить становление метода социалистического реализма в творчестве Анны Саксе. Нельзя все же не отметить, что на конференции-диспуте мало затрагивались проблемы социалистического реализма в латышской литературе, в разработке которых существует пока немало проблем.

Должно и то, что писатели, по существу, устранились от участия в диспуте, затрагивавшем основные проблемы их творчества.

Р. ТРОФИМОВ,
собственный корреспондент
«Литературной газеты»

Подготовка к юбилею Абдулхасана Рудки

В августе 1957 года исполняется 1100 лет со дня рождения великого гуманиста, основоположника таджикской классической литературы Абдулхасана Рудки. К празднованию этой знаменательной даты готовится общественность Таджикистана. Совет Министров и Центральный Комитет Коммунистической партии республики постановили издать памятник Рудки в Сталинабаде и выпустить в свет одноименный избранный произведений выдающегося поэта на таджикском и русском языках.

Книги молодых писателей

Бакалдин В. Травы-муравы. Стихи. Краснодарское книжное издательство. 111 стр. Цена 1 руб. 85 коп.

Гольдман Ю. Поверка. Стихи. Читинское книжное издательство. 80 стр. Цена 1 руб. 05 коп.

Демченко А. Чувств зори. Роман. Барнаул. Алтайское книжное издательство. 356 стр. Цена 6 руб. 90 коп.

Жилин Б. Близкое и родное. (Записки сельского врача). Астрахань. Издательство газеты «Волга». 154 стр. Цена 2 руб. 80 коп.

Ковальчик К. Испытание. Стихи. Книшнев. Государственное издательство Молдавии. 75 стр. Цена 1 руб. 05 коп.

Колесников М. Повести о дружбе. «Молодая гвардия». 406 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Лавров И. Ночные сторожа. Рассказы. Читинское книжное издательство. 122 стр. Цена 2 руб. 25 коп.

Лезгинев Г. В темной стороне. «Советский писатель». 468 стр. Цена 7 руб. 85 коп.

Леонова Т. Марусино сердце. Рассказы. Днепропетровское областное издательство. 120 стр. Цена 2 руб. 10 коп.

Неводов Б. Вскоду жизни. Рассказы. Саратовское книжное издательство. 148 стр. Цена 3 руб. 80 коп.

Садай В. Летчики. Роман. Перевод с чувашского государственного издательства. 171 стр. Цена 3 руб. 90 коп.

Тихонов Н. Наташа Незамова. Повесть. Куйбышевское книжное издательство. 200 стр. Цена 4 руб. 15 коп.

Люди Сибири

В журнале «Дальний Восток» (№№ 5, 6, 1954 г.) опубликована первая книга романа Георгия Маркова «Соль земли». Роман проникнут большой любовью к своеобразной красоте Сибири, к ее людям и их новой жизни. Писатель рассказывает о борьбе советских людей в Прибайкальском районе Узульях за освоение огромных богатств своего края.

Лесобезбедчик Чернышев, охотник Лисицын, учитель Краховин и другие подлинными патриоты своей земли страстно стремятся, чтобы полился потоком все ее богатства.

Лесобезбедчик Чернышев говорит о неиспользованных сокровищах тайги: есть в этой земле уголь, богаты залежи деса, большой доход может приносить лес — только заботливо, хозяйски надо подходить ко всему. Чернышева возмущают люди, которые знают один проторенный, формальный путь выполнения хозяйственных планов: «У безруких людей все перенатянуто! Дело это верное и доходное, да только начинать у нас в районе нерасторопное. Посудите сами: при среднем урожае в наших ведровниках можно собрать пшеницы почти столько же, сколько в поле. Да разве богатство только в орозе?»

Писателю удалось создать яркий и самобытный образ охотника Лисицына, человека сильного природного ума, большой житейской сметливости. Его думы полны выстраданным беспокойством за народное сокровище — тайгу.

Основатель деревни Маревки, бывший каторжник, старик Марей Гордеевич встает перед читателем как воплощение истории, живой свидетель времен царского произвола. У него тяжело прошлое — не допустить Марей, чтоб барин обесчестил любимую девушку, не пожелал для этого себя, пошел на каторгу.

Один из главных героев романа — молодой учитель Алексей Краховин. Он владеет заботой о родном районе, и, оставив научно-исследовательский институт, он добровольно избирает скромную работу сельского учителя. В родных местах исследует и разведывает он богатства края, смело, настойчиво выступает против формалистов и бюрократов, равнодушных к судьбе района и его людей.

Краховину приходится нелегко. Бюрократы и формалисты пытаются свести счеты с ним. Но смело и прямо он говорит секретарю райкома:

«Вот Артем Матвеев сказал здесь: «Краховин забегает вперед, он оторвался от масс». А я думаю так: райком плохо знает настроения людей, не знает он тех, на кого я опираюсь в своей работе. Десятилетиями люди Узульях вынашивают мечту об использовании природных богатств края в интересах всего народа. Не законно ли поставить вопрос: а не отстает ли райком от стремлений народа?»

Краховин понимает, что будущее Узульях — в его природных богатствах. Он стремится использовать знания людей, мобилизовать их усилия на освоение этих богатств.

Одним из участков жизни, показанных автором, является научно-исследовательский институт. И здесь идет борьба с формалистами и рутинерами.

Настоящими учеными-творцами в институте являются Рослов и Марина Стротова. Рутинеры, чиновники от науки группируются вокруг профессора Великанова, к которому примыкают бездарный псузозон и подхалим Бенедиктин и сам директор института Водомеров.

В образе Марины Стротовой Г. Марков дал своеобразный тип советской женщины-ученого, сумев раскрыть силу ума, ясность мысли ее. Когда решается вопрос о плане экспедиционных работ, предложение Стротовой оказывается более разумным, чем планы профессора Великанова; она лучше чувствует запросы жизни, возможности, за-

ложенные в труде и инициативе простых людей.

В жизни бывает и так, что пустые, фальшивые личности, вроде Бенедиктина, преуспевают больше, чем честные труженики науки. Г. Марков верно показал научный сорняк, который паразитически тянет живые соки для своего процветания.

И как тускнеет все там, где гнездятся подобные типы... Жена Бенедиктина — Марина Стротова, умная, талантливая, страдает, все более убеждаясь, что связала свою жизнь с уместным ничтожеством, с карьеризмом. Любовь заставляла ее многое прощать, она пыталась убедить мужа, что он идет не тем путем. Нелегко было Марине расстаться с мужем. Но она пошла на это решительно и твердо.

Профессор Великанов — представитель старой части профессуры, которая связана старыми предрассудками, далека от жизни. Советы передовых людей института он рассматривает как подвиг своего авторитета.

Показывает Г. Марков и партийных работников. С героями этой книги читатель частично знаком по роману «Стротова». Боевой когда-то парень Артем Стротов превратился в формалиста, потерял широту мышления, следит лишь за тем, чтобы соблюдалась привычная форма, хотя бы и в ущерб делу. Оторванность от масс, незнание людей ведут к большим ошибкам в его работе.

Иное дело — брат Артема Стротова Максим. Боевым командиром он прошел по трудным дорогам войны. Прошло всего лишь шесть дней после приезда домой, и обком партии уже направил его на новую работу.

Максим сочетает деловую твердость с мягкостью в личных отношениях, внимательностью к людям. Чутко и бережно относится он к жене, вылит, как нелегко ей после долгой разлуки отпустить его на работу, напряженную работу.

Заметит, что его жена тяжело переживает свой возраст, Максим говорит ей, что «женщины часто стареют не от физического нездоровья, а от ушибленного сознания... полтора сорокалетия может длиться... десять лет, а многие заканчивают ее в двадцать года и сами себе обрекают на старость. Иная женщина... и не замечает, что... опускается... и чаще всего это начинается с внешнего облика... волосы не черные, чулки висят гармошкой, платье не гладко. Да и на душе у нее так же хаотично. Проходит год-два — и совсем невозможно узнать женщину: ходит она сторбышиско, одета кое-как. В общем, почти старуха. А ей сорок пять лет, и вперед у нее еще двадцать-тридцать лет жизни, и каких лет! — зрелости! А зрелость — это же пора человеческих свершений. В юности мы лишь мечтаем об этих свершениях, а исполняем их в зрелые годы. Как же... не ценить и не беречь это золотое время?»

Писатель знает и любит природу. Красочно рисует он таежные пейзажи: «Тайга наивысшая соками жизни. Гривы и косогоры покрывались травой. На черемуховых и рябиновых кустах зеленеет нежная листва. Но шаршавым столам сосен, пихт и кедров текли струйки паучьей паутины. Воздух был насыщен запахом молодой земли: из логов, размытых ручьями, тянуло пресной сыростью суглинка, от ранних цветов, пробившихся у корней редких березок, источалась приторная сладость...»

Есть в романе и художественные погрешности. Иногда слишком прямолинейно характеризует героев автор. Не всегда выразителен диалог, а подчас не только герой, но и сам автор говорят казенными оборотами.

Но в целом первая книга романа «Соль земли» читается с интересом. Г. Марков в ней дал картины острой борьбы старого и нового, показал разрыв людей в труде и личной жизни, сумел построить действие и развитие характеров вокруг больших общественных вопросов нашей жизни.

А. ЛАНДЫШЕВА,
врач

Творческие искания советских художников

История советского искусства насчитывает

близко сорок лет, и мы говорим уже о нашей классике. Вспоминания о тех произведениях, которые составляют ее сокровищницу, с уверенностью можем сказать, что в ней особенно дорого и ценно. Это — произведения, где о самом важном и главном в нашей жизни рассказано со всей страстью художника, наделяющего резцом, карандашом которого властвовало чувство великой любви к нашей революции и ее завоеваниям, к смелому, самоотверженному народу нашему, проложившему светлую дорогу к коммунизму, миру, счастью.

Мы с гордостью вспоминаем о замечательной скульптурной группе В. Мухоминой «Рабочий и колхозница», где в пластическом совершенном образе запечатлены вечная молодость нашего общего дела, могучая и жизнеспособная энергия народа, его целеустремленность, горячий порыв в будущее. Мы ощущаем как неотъемлемую часть нашего эстетического мира романтические полотна Грекова, воспевавшего героизм гражданской войны, умные, острые исторические картины Иогансона, пламенную сатиру Вурыльников, гневный пафос публицистических листов Бориса Проорова, мудрые портреты Нестерова, блестящие иллюстрации Кибрика, Илмаринова и других. Можно немало увидеть этой классики, — но ведь в него входит имена и произведения, и без того хорошо известные.

И вот, когда ныне мы проходим по залам Всесоюзной художественной выставки, то ее экспонаты мы сравниваем уже не только со «вторым этажом» Третьяковской галереи, где расположены произведения старых русских мастеров, но и с теми работами, которые завоевывали высокое право именоваться советской классикой. Такое сравнение, естественно, проводится зрителем и на последней по времени Всесоюзной выставке 1954 года.

Критики и зрители давали разные, порою совершенно противоположные оценки отдельным произведениям, но, как правило, сходились на том, что в целом она

оказалась значительной и по широте и по охвату явлений жизни. И все же нас не покидало ощущение, что на выставке не хватало чего-то важного, может быть, самого главного и существенного.

На этой выставке явно недостаточное количество картин на общественно значительные, главные темы советской действительности, которые были бы написаны с той искренней страстью, искренностью и художественным совершенством, которые характерны для лучших произведений нашей живописи.

Всем памятно, что такие полотна появились и в последние годы. Но наряду с ними на выставках год от году все больше места завоевывали холсты, авторы которых усиленно направили на тему, мало заботясь о художественной убедительности, образе, форме. С поразительной легкостью стали писать многометровые полотна, выполненные с расчетом на поверхностный эффект, на бьющий в глаза дешевый эффект. В них было все: и выдающиеся исторические личности, и аподирующее толпы ликующего народа, и связь с какой-нибудь важнейшей и нужнейшей темой. Все было, — не было только настоящего искусства. Не было потому, что картины эти писались наспех, без раздумья и волнения, с первой попавшейся фотографией. Не страсть гражданина, не благородный пафос больших идей вдохновляли авторов этих полотен, а соблазн легкой успеха (тема все вывесит!), заманчивая перспектива лавров, премий, славы, похвалы. Так появлялись в нашем изобразительном искусстве, казалось бы, немиссия для его здорового организма позорная болезнь казенщины, бездушной суеты при решении больших тем современности.

Резкая и справедливая партийная, общественная критика положила конец кратковременному засилью на выставках поверхностно-эффектных и сухих, протокольных картин, авторы которых полагали, что обращение к великим темам времени освобождает от необходимости добиваться

А. КАМЕННИК

статьке не хватало чего-то важного, может быть, самого главного и существенного.

На этой выставке явно недостаточное количество картин на общественно значительные, главные темы советской действительности, которые были бы написаны с той искренней страстью, искренностью и художественным совершенством, которые характерны для лучших произведений нашей живописи.

Всем памятно, что такие полотна появились и в последние годы. Но наряду с ними на выставках год от году все больше места завоевывали холсты, авторы которых усиленно направили на тему, мало заботясь о художественной убедительности, образе, форме. С поразительной легкостью стали писать многометровые полотна, выполненные с расчетом на поверхностный эффект, на бьющий в глаза дешевый эффект. В них было все: и выдающиеся исторические личности, и аподирующее толпы ликующего народа, и связь с какой-нибудь важнейшей и нужнейшей темой. Все было, — не было только настоящего искусства. Не было потому, что картины эти писались наспех, без раздумья и волнения, с первой попавшейся фотографией. Не страсть гражданина, не благородный пафос больших идей вдохновляли авторов этих полотен, а соблазн легкой успеха (тема все вывесит!), заманчивая перспектива лавров, премий, славы, похвалы. Так появлялись в нашем изобразительном искусстве, казалось бы, немиссия для его здорового организма позорная болезнь казенщины, бездушной суеты при решении больших тем современности.

Резкая и справедливая партийная, общественная критика положила конец кратковременному засилью на выставках поверхностно-эффектных и сухих, протокольных картин, авторы которых полагали, что обращение к великим темам времени освобождает от необходимости добиваться

высокой художественной формы. Расширена дорога для дальнейшего развития лучших традиций нашего изобразительного искусства. Это дорога смелых дерзаний, трудных и сложных поисков. Они отразились в экспонатах Всесоюзной художественной выставки 1954 года.

Илья ЭРЕНБУРГ

ПУТЬ К БЕЗОПАСНОСТИ ЕВРОПЫ

В истории народов, как и в жизни людей, бывают решающие периоды. Такой период переживает теперь человечество: все надежды обеспокоены, но все тревоги законны. Несколько месяцев тому назад газеты были наполнены известиями, рождавшими беспокойство, и многие политические деятели предсказывали беды. К счастью, эти люди в своих прогнозах ошибаются еще чаще, чем метеорологи. Если же теперь газеты приносят каждый день воров добрых вестей, было бы неправильным думать, что победа мира обеспечена...

В некоторых странах люди, достаточно влиятельные, пытаются продлить, даже усилить недовольство, раздувая притихающий огонь неприятия, затрудняя предстоящие переговоры. Я не стану ссылаться на газеты. Ограничусь тем, что упомяну о докладе комиссии по иностранным делам палаты представителей США. Эта комиссия две недели назад не сочла ничего более способствующего предстоящим переговорам, чем предложить Организацию Объединенных Наций объявить Советский Союз «агрессором»...

Мне кажется тревожными стремления некоторых политических деятелей лишить предстоящие переговоры характера переговоров. Выдвигаются заранее различные требования, произносятся речи, может быть, и уместные в военное время, но вряд ли способные облегчить задачу соглашения. При этом даже словарь остается военным: Ассошиейтед Пресс, говоря об отношении американских правительственных кругов к предстоящему совещанию четырех, указывает, что если Запад хочет, чтобы силы Востока отступили, то он «должен противопоставить советскому наступлению такое же смелое контрнаступление». Некоторые политические деятели утверждают, что военное объединение Запада неизбежно, поскольку «коммунисты убеждены в конечном торжестве коммунизма». Этот довод так часто повторяется, что стоит на него ответить. Да, мы, советские люди, верим, что будущее принадлежит обществу, в котором не будет частной собственности на орудия производства. Эта вера покоится на нашем понимании законов развития общества. Значит ли это, что наше мировоззрение угрожает какому-либо государству? Будучи в Америке, я не раз слышал от людей, весьма ответственных, что будущее принадлежит частной инициативе, и это не казалось ни мне, ни моим соотечественникам угрозой. Когда мы говорим об опасности войны, мы указываем на сеть военных баз, на накопление вооружений, на попытки вмешательства в дела суверенных государств, но отнюдь не на философию капитализма. Католики или баптисты, наследующие разные страны, считают, что будущее принадлежит христианству; социалисты убеждены, что общество идет к той социальной системе, которая им близка; у католиков есть Ватикан, баптисты устраивают международные встречи, имеется интернациональное объединение социалистов; никто, однако, не утверждает, что такие организации или тактике умопостроения грозят миру. Никогда ни один коммунист не говорил, что для перехода той или иной страны на более высокую ступень социального развития следует развязать войну. Напротив, все коммунисты утверждали и утверждают, что война, разрушая материальные и культурные ценности, противопоставлена социальному прогрессу.

Военные блоки грозят миру. Советскому делегату могут сказать, что Варшавское совещание в противовес Северо-атлантическому пакту, к которому была привлечена Западная Германия, создало военный блок. Однако Варшавское соглашение существенно отличается от Атлантического... Речь на заседании Всемирной Ассамблеи Мира 26 июня 1955 года. Печатается в сокращенном виде.

пакта. Советский Союз в свое время предложил примкнуть к Северо-атлантическому пакту, что лишило бы эту организацию характера блока, направленного против какой-либо державы. Это предложение было отклонено. Объединение государств, созданное в Варшаве, открыто для всех, и если Англия или Франция захотят к нему примкнуть, это не встретит никаких возражений. Атлантический пакт — организация постоянная, а Варшавское соглашение будет аннулировано тотчас после создания организации коллективной безопасности Европы. Я должен был отметить эти различия между двумя организациями. Мне остается добавить, что мы были и остаемся противниками раскола мира на две военных коалиции. Мы стоим и стоим за организацию коллективной безопасности, за сотрудничество всех государств, независимо от их социального строя...

Разрешите мне короткое личное отступление. Я ценю и люблю многообразие культур. Я восхищаюсь древними китайскими поэтами, я любил в Китае, я был глубоко потрясен красотой, душевной силой, чистотой его народа. Я ценю памятники Индии и порыв ее доброго народа к лучшей жизни. С любовью я бродил по прекрасным городам Латинской Америки, и я уважаю науку, технику, трудолюбие народа Соединенных Штатов. Но да позволено будет мне сказать с глубоким волнением: европеец, я предан европейской культуре, я — свой в любом европейском городе. Слова об общности Европы — не пустая фраза, не выдумка. Все европейские народы вложили свою душу в это понятие — от эпических песен, от готических соборов до гуманизма Анатолья Франса и Максима Горького, до обороны Ленинграда и Парижского восстания. Да, все народы внесли свое: гармония Италии, отвага Франции, Гете и Бетховен, Мицкевич и Шопен, Толстой и Чайковский, Ньютон и Дарвин, благородство Испании, университет Праги, поэзия Венгрии, Верхаги, Ибсен, Сяблусен, новая архитектура Швеции — разве это не одна Европа и разве есть европеец, который сможет отмахнуться от того, что наполняет сердце общей гордостью? Я думаю сейчас о старших. Какая радость быть их современником, лично их зная. Это подлинные представители европейской культуры. Нет нужды, что различные сферы их деятельности, что они не похожи друг на друга. Называя их имена, я как бы вызываю душу Европы — Томас Манн, Эдуард Эррио, Пабло Пикассо...

В свое время, пытаясь создать малую, кую Европу, некоторые политики спекулировали на хорошем чувстве миллионов европейцев, на ощущении близости между всеми европейцами. Разум народов возстал против создания «европейского оборонительного сообщества».

Только что я высказал с глубоким интересом выступление г-на Даапнузи, который отразил настроение широких кругов христианско-демократической партии Италии. В этом выступлении сказались искренние стремления найти путь к безопасности и объединению Европы. Мне кажется, что мы вправе здесь поставить вопрос о необходимости создания такой организации, которая обеспечила бы мир для всех жителей Европы, которая помогла бы развитию культуры и экономики всех европейских стран.

Каждому ясно, что война в Европе не может быть локализована и что только коллективная безопасность принесет спокойствие ее многострадальным городам и селам.

На заседании комиссии по европейской безопасности г-н Рене Капитан, которого мы все знаем как горячего патриота Франции и друга мира, высказал сомнение, что соглашение о коллективной безопасности может явиться реальной гарантией мира. По его словам, санкции, примененные к

одному из возможных агрессоров, вызовут мировую войну. По-моему, соглашение о коллективной безопасности означает распад военных коалиций и тем самым исключает возможность нападения одной из великих держав на другую. Говоря о соглашении, я предполагаю не договор между двумя блоками, о котором мечтал г-н Мендес-Франс, но отказ от системы блоков и добровольные соглашения между всеми государствами Европы, большими и малыми. Защитники Атлантического пакта говорят, что преимущество этой организации состоит в том, что безопасность западноевропейских государств гарантируется также Соединенными Штатами. Но к организации коллективной безопасности Европы можно привлечь Америку. В таком случае безопасность Франции, Италии, Германии будет гарантирована и Соединенными Штатами, и Советским Союзом, и всеми другими европейскими державами. Мне думается, что это единственный выход для тех, кто хочет Европе мира.

Я пользуюсь случаем, чтобы сказать о нашем добром чувстве к американскому народу. Мы, советские люди, хотим с ним сотрудничать в разных областях; мы хотим с ним сотрудничать и в организации коллективной безопасности Европы. Пора покончить с недобрыми традициями «холодной войны», работать вместе, встречаться, дружить, и мне хочется верить, что наши чувства разделяют все разумные честные американцы.

Создание коллективной безопасности Европы должно быть связано с созданием организации, участники которой приняли бы на себя твердые, ясные обязательства экономического и культурного сотрудничества между европейскими государствами, в распределении сырья и продукции, облегчении передвижения, обмене студентами, совещаниях ученых, более частом ознакомлении с театрами, с искусством других европейских стран. Европа должна отстоять мир и сделать этот мир еще более дорогим для каждого европейца.

Германский вопрос, о котором столько говорили, писали и который остается по-прежнему мучительным как для самих немцев, так и для всей Европы, этот вопрос приблизится к разрешению, когда европейцы договорятся о своей коллективной безопасности.

Мне кажется, что отвод оккупационных войск как из Германской Федеративной Республики, так и Германской Демократической Республики поможет разрешению германского вопроса. Говорят, будто такой отвод более выгоден для одной стороны. Это несправедливо. Допустим, что американцы отведут свои войска в Бельгию или во Францию, если только этого захотят бельгийцы и французы. Советские войска будут отведены на территорию Советского Союза. Каждому ясно, что от Мальмеди до Аахена куда ближе, чем от Бреста до Одера.

Германский вопрос трудно разрешить без участия самих немцев. Ясно, что немцы хотят объединения Германии. Для того, чтобы такое объединение стало возможным, нужно отказаться от намерения включить Германию в какую-либо военную коалицию.

Незачем объяснять желание всех европейских покончить с угрозой германского милитаризма: в этом отношении соседней Германии совпадают с тревогой самого немецкого народа, который хорошо помнит трагические развязки двух мировых войн. Если сторонники политики силы поймут, что Европа не зеленое суку карточного стола и Германия не козырь в игре, — соглашение о мирном разрешении германского вопроса будет, бесспорно, достигнуто.

Советский Союз стоит и стоит за создание такой объединенной, суверенной Германии, в которой не мог бы возродиться германский милитаризм, и он делает все,

чтобы приблизить это объединение. Разумеется, объединение Германии должно быть создано путем свободных выборов: в этом вопросе нет и не было существенных разногласий между теми державами, которые не смогли до сих пор прийти к соглашению об отказе втянуть Германию в военную коалицию. Недавно, как известно, Советский Союз предложил нормализовать отношения с Германской Федеративной Республикой. По словам г-на Валлона, речь которого я выслушал с глубоким интересом и дружеским пониманием, этот акт вызвал тревогу среди многих французских. Мне хочется заверить этих французских, что, предлагая наладить дипломатические и торговые отношения с Германской Федеративной Республикой, Советский Союз не только не оставил своих стремлений к созданию объединенной миролюбивой Германии, но и сделал новый шаг к осуществлению этой цели. Западным державам остается подумать над тем, что в Берлине есть не только Курфюрстендам, но и Александрплац, что в Германии есть не только Бонн, Гамбург, Франкфурт, но также Лейпциг, Веймар, Дрезден...

После подписания государственного договора с Австрией, в Германии, да и в других странах много говорят о нейтралитете и нейтралитетности. Противники идеи военных блоков, не видя возможности для себя покончить с этой системой, начинают высказываться за выход их стран из военной коалиции. Такие призывы все чаще и чаще можно услышать и в Германии, и во Франции, и в Италии, и в Дании, и в Норвегии. При создавшихся условиях легко понять сторонников нейтралитета: они не хотят, чтобы их родина стала полем битвы. Я должен сказать от имени советской делегации, что мы понимаем сторонников нейтралитета и отдаем должное их гражданскому мужеству. Советский Союз будет строго уважать суверенитет и безопасность любого государства, которое захочет вести самостоятельную политику мира.

Разумеется, нейтралитет того или иного государства не разрешает вопроса о безопасности всей Европы, но мы видели после подписания Венского договора, насколько победа идеи нейтралитета Австрии смягчила международную напряженность. Я понимаю чувства тех друзей, стремления которых выразил здесь г-н Валлон. Мы думаем обычно, что нейтралитет, даже малых европейских стран, не будет означать безопасности Европы: ведь за спиной нейтралитетных останутся государства, не вошедшие в нейтральную зону. Не будет ли лучше все объединиться для безопасности всех? Я убежден, что Европа идет к той организации коллективной безопасности и сотрудничества, которая еще недавно казалась туманной, абстрактной и о которой теперь говорят, как о задаче завтрашнего дня.

Конечно, от предстоящих переговоров многое зависит. Но представители общественного мнения, мы, не должны опешивать на участников различных дипломатических совещаний всей ответственности за их успех или неуспех. Созав Ягневского совещания сам по себе показывает, какова сила общественного мнения. В большинстве случаев от нас, от всех народов мира зависит, приведет ли переговоры к тем результатам, которых жаждут люди во всех пяти частях света. Народы никогда не допустят, чтобы переговоры были для кого-либо из их участников прикрытием политической силы. Провернуть историю назад — трудное дело; вряд ли оно уместно даже политическим спортсменам. Трудно было отойти от «холодной войны». Но еще труднее было бы к ней вернуться. То дело, которое мы начали шесть лет назад, — дело мира, начинаю побеждать. Мы не откажемся от наших надежд, но и не забудем про наши тревоги. Мы постараемся, чтобы дело мира восторжествовало.

зуют в своих картинах сюжет для унылого и худого бытосопствования, бездумной фиксации явлений жизни, но путать натуралистический фотографизм с реализмом, требующим типизации, яркого, острого, страстного воплощения жизненной правды, — это тоже невежество. Один из тяжелых грехов нашей критики заключается в том, что она часто не умеет связывать общую эстетическую проблематику с явлениями конкретном-исторического порядка, с теми насущными, животрепещущими вопросами, которые постоянно выдвигаются повседневной творческой практикой мастеров искусства. А достигнуть такого живого, постоянного взаимобогащения теории и практики можно только путем постоянных, широких и свободных дискуссий, которых у нас не было раньше. Бывшие руководители Оргкомитета Союза советских художников не были в них заинтересованы, и что-то не видно дискуссий и ныне, когда состав Оргкомитета сменил. В такой обстановке затруднена последовательная, принципиальная борьба за углубление метода социалистического реализма, против формализма, эстетства, а также натурализма и других чуждых влияний.

Предстоящие съезды художников, композиторов, архитекторов, несомненно, привлекут широкое внимание общественности к важнейшим вопросам искусства. У советских художников сейчас страдная пора. Пишутся картины для экспозиции, посвященной первой русской революции 1905—1907 годов, разворачивается подготовка к юбилейной Всесоюзной художественной выставке «40 лет советского социалистического государства», которая будет организована в 1957 году. Зрителю многого ждут от этих выставок. Они надеются увидеть на них мастерские полотна, посвященные славные революционные деяния народа, рассказывающие о его трудовых и ратных подвигах, о веховой нашей партии упорной и плодотворной борьбе за построение коммунизма, за мир во всем мире.

Пусть правда жизни во всем ее многообразии и яркости воплотится в произведениях советских мастеров изобразительного искусства! Пусть эти произведения, зрелые и совершенные, волнуют умы, потрясаят сердца, служат правдой и прекрасной летописью нашей великой эпохи!

Говорят писатели — участники Ассамблеи

Корреспондент «Литературной газеты» обратился к ряду писателей — участников Всемирной Ассамблеи Мира с просьбой рассказать о роли литераторов и художников в борьбе за мир и поделиться своими творческими планами.

МУЛЬК РАДЖ АНАНД (Индия)

Писатели Индии все больше и больше осознают необходимость мира и включаются в борьбу за мир. Это все сильнее и отчетливее проявляется в их творчестве. За последние два года основной темой нашей поэзии была тема мира. А основная форма литературы Индии на всех ее языках — это поэзия, род литературы, к сожалению, очень трудный для перевода. У нас еще очень много неграмотных, и наши поэты часто сами выступают перед многолюдной аудиторией, как это делал Маяковский. Поэтому поэзия глубоко проникла в индийский народ, в его песни.

Мир — это хлеб для народа Индии, ибо всю жизнь нашего полуострова надо строить, создавать заново. Вот почему движение за мир среди наших писателей и поэтов — это глубокое и могучее движение. Оно входит в самую плоть искусства. Наш народ хочет получить свое место под солнцем, он твердо защищает дело мира во всем мире. Нам чужда и ненавистна «холодная война». И наш премьер Неру стоит за мир. Только такую политику поддерживает индийский народ.

Все мы здесь встретили известие о советско-индийском коммюнике, как знаменательное и важное событие. Оно формулирует общие цели СССР и Индии — ставит нашу дружбу на реальную почву. Если и были еще у какой-то части индийцев сомнения в политике Советского Союза, то теперь они полностью рассеялись, и это событие, несомненно, укрепит авторитет правительства Неру в Индии.

Сотрудничество между СССР и Индией базируется на прочной экономической основе. Оно выгодно для Индии и несравнимо ни с какими экономическими соглашениями с монополиями Запада. Это реальное осуществление одного из принципов мирного сотрудничества. И духовное общение между нами прекрасное. Еще пять лет назад я рассуждал Александру Фадееву, как реакционные американские книги отравляют разум других народов. А из Советского Союза мы получаем хорошие, нужные книги, картины, произведения искусства.

...Скоро я кончаю роман «Старая женщина и королева». Это название, очень типичное и понятное для индийцев, может, конечно, показаться странным. Содержание книги раскрывает его. Дочь бедной вдовы выходит замуж, но родные мужа не любят ее, и вскоре муж возвращается жену к ее матери-вдове. И вот вдова не знает, что делать: продать ли свою единственную корову, чтобы свести концы с концами, или продать дочь. И мать продает дочь — богатому человеку. Вскоре, однако, возвращается муж и требует свою жену обратно — он любит ее. После долгого страдания молодая женщина находит свой самостоятельный путь в жизни — работает в госпитале. Ее муж в третий раз начинает ее разыскивать.

Это — произведение о сегодняшней Индии. К сожалению, и сейчас подобные трагедии происходят и могут происходить. Все еще сильны у нас старые законы, традиции, предрассудки... Вышла первая книга моего многолетнего произведения «Семь возрастов человека». Второй том уже заканчивается, а третий выйдет в будущем году. Все эти романы войдут в задуманную мною серию книг. Это будет своего рода неофициальная история Индии, начиная с 1905 года.

Индия переживает подлинное возрождение в литературе на всех индийских языках. Но это не значит, что все у нас хорошо и совершенно. Мы нуждаемся в критике друзей. Ведь дружба не в том, чтобы все безудержно хвалить. Нам хотелось бы, чтобы «Литературная газета» уделяла больше внимания литературной жизни Индии. Мы ждем оценки и критики нашего искусства и литературы. Это поможет нам лучше и глубже узнать друг друга.

Недавно три тысячи женщин вышли на улицы Сант-Яго (Чили), чтобы продемонстрировать свою волю к миру. На одном из плакатов надписи: «Моя дети — для мира». (Снимок из итальянского журнала «Нон донне»)

Труженики Латинской Америки требуют мира! Гравюра известного мексиканского художника Леопольда Мендеса

НИКОЛАС ГИЛБЕН (Куба)

Прогрессивные писатели и артисты моей страны вносят свой вклад в дело мира, помогая народам понять действительные причины войны, ужасы, с нею связанные, угрозы нашей национальной независимости, которую она таит в себе.

Я постоянно работаю в двух областях: в области поэзии и журналистики. Писая много времени отдельные свои поэмы, стремясь сделать их более доходчивыми для народа, я забываю и своей профессии журналиста, которая позволяет мне не прерывать связь с народом не только моей страны, но и других стран. В ближайшем будущем я хочу испробовать свои силы, написав пьесу для народного театра.

ХЕНРИ ПЕТЕР МАТИС (Швеция)

Многие писатели Швеции не принимают еще участия в борьбе за мир. Они связаны с той прессой и с теми издательствами, которые ни в коем случае не хотят «вмешиваться» в то, что называется «политической» работой во имя мира. Но все же число тех писателей, которые помогают укреплять в общественном мнении сознание необходимости борьбы за мир во всем мире, постоянно растет. Они поддерживают Обращение против атомного оружия. В прогрессивных газетах и журналах они пишут о мире, против войны, говорят о проблемах мира, о том, что люди требуют мирного существования. Некоторые писатели имели возможность выпустить книги о поездках в те страны, где идет активное мирное строительство, где идет борьба за экономическое и политическое освобождение, во имя новых идей и за осуществление идеи социализма. Некоторые писатели посредством выступлений и докладов пропагандируют всемирное движение сторонников мира, помогают шведскому комитету сторонников мира.

В своих последних произведениях я пытался показать борьбу против войны и волю народа к мирной жизни. Такой, например, мой последний роман «Женщины на пути». Книга издана под псевдонимом, под женским именем, по желанию издательства, поскольку повествование ведется в форме автобиографии одной работницы.

Я написал комедию о борьбе народа против фашистских тенденций, но эта пьеса рассматривается у нас, как «подрынная работа». Она не поставлена и не напечатана. Писательское и редакторское содействие прогрессивной литературе и театру попрежнему сильно.

Я работаю сейчас над сатирическим романом о жизни в шведском поселке, где у жителей пробуждается новое сознание.

Ф. П. Шиллер

После тяжелой продолжительной болезни скончался талантливый советский литературовед, доктор филологических наук, профессор Франц Петрович Шиллер.

Сын бедного крестьянина, Ф. П. Шиллер окончил 2-й МГУ и Институт языка и литературы РАН ИОН. С 1929 года Ф. П. Шиллер преподавал в ряде московских вузов историю зарубежных литератур и руководил подготовкой аспирантов по этой специальности.

Одновременно с педагогической работой Ф. П. Шиллер посвящал свои силы научным исследованиям, уделяя особое внимание освещению вопросов литературы и науки классиков марксизма. Он был одним из составителей первого сборника высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса об искусстве и автором исследования «Энгельс как литературный критик». Наряду с трепетной «Историей западноевропейской литературы нового времени» Ф. П. Шиллер создал ряд монографических работ, выступив как один

из первых исследователей революционной литературы на Западе, которой были посвящены его книги: «Георг Берг», «Поэзия германской революции 1848 г.», «Очерки по истории чартистской поэзии» и ряд других работ.

В последние годы жизни, несмотря на тяжелую болезнь, приковавшую его к постели, Ф. П. Шиллер продолжал научную и литературную работу. Он подготовил к печати большую труд о жизни и творчестве Фридриха Шиллера, который готовится к выпуску в свет Гослитиздатом.

Ф. П. Шиллер умер в возрасте 57 лет, оставив около двух десятков книг по литературоведению и несколько неопубликованных работ. Память о Франце Петровиче Шиллере, неутомимом работнике, эрудированном марксистском литературоведе, человеке большой души, останется в сердцах его товарищей и многочисленных учеников.

Группа товарищей

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Творческие искания советских художников

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

но справедливы и весьма своевременно высказаны. Но некоторые положения статьи вызывают возражения. Я не буду сейчас касаться спорных моментов в оценках отдельных картин — это, в конце концов, детали, частности. Поговорим о вехах, имеющих более широкое значение.

А. Довженко неправ, считая устаревшей технику классической живописи на том основании, что неузнаваемо изменился мир, динамика жизни, что изобретения нового времени — фотография, цветное и стереоскоп, телевидение — расширили «обыкновенную физическую видимость» мира до пределов, которые и не снились художникам прошлых эпох.

Как это ни парадоксально, но отстоять от времени не те художники, которые «по старинке» следуют великим традициям Рафаэля, Рембранда, Репина, но те, кто, радуясь благам цивилизации, используют расширение «обыкновенной физической видимости мира» и беззаботно шакают фотоаппаратом, вместо того, чтобы трудиться над натурными зарисовками и этюдами. А. Довженко относит фотографию к числу новых видов изобразительного искусства, стоящих «рядом» с живописью. Но подлинный художественный образ, который является основой отличительной особенностью искусства, мертвая фотография создать не в состоянии, да это и не ее дело. Строго говоря, живопись только так и начинается, где фотография кончается.

На мой взгляд, ни фотография, ни цветное и стереоскоп ни в малейшей мере не способны обогатить живопись и в чисто техническом отношении. Полагая, что все эти изобретения могут оказать сколько-нибудь существенное воздействие на творческую работу художников, Довженко рассуждает, скорее опираясь на историю кино, чем на историю живописи. Для кино овладение цветом и стереоскопичностью действительно, являясь рубежом новых художественных возможностей. Для живописи все это было новостью разве что в XV веке. Формальные принципы, лежащие в основе классической живописи, не являются чем-то случайным и преходящим, умиротворяющим

вместе со своей эпохой. Старые мастера основывались в своей работе на открытые им объективные законы изображения видимого мира, законах перспективы, цветовых соотношений, пропорций, ритма, построения объема и других многочисленных средств создания иллюзорной картины мира. Дальнейшее развитие живописной техники ни в малой мере не отменяет действия этих законов.

Когда проходишь по залам Эрмитажа, Третьяковской галереи или — в эти дни — по выставке картин Дрезденского собрания, то, право же, думаешь не об «отсталости» классиков, а, скорее, о том, как много не хватает еще нашей живописи по сравнению с их неистощимо простыми и в то же время мудрыми и многогранными мастерами. Как глубоко и сильно умели великие мастера рассказать своей кистью о мире и человеке! И до чего же естественны и органичны, гибки и разнообразны разработанные ими приемы пластического воплощения образов! Все дело в их умелом использовании — и тут советским художникам предостигает еще огромная, кропотливая работа по овладению всем богатством наследия художников прошлого.

Очень сомнительную позицию занял А. Довженко по отношению ко всякому роду «измам». «Мы поступили абсолютно правильно, отвергнув импрессионизм, экспрессионизм, конструктивизм, как и все прочие их идеологии», — пишет А. Довженко, — «но и у них ведь была сложнейший путь исканий новых живописных возможностей». Искания, действительно, были, но кому не известно, к чему они привели? Подвизающиеся большинство произведений художников, модных в буржуазных кругах современного Запада, представляют собой ужасающее зрелище полного распада живописной формы, опустошенности, а зачастую и сумасбродства.

Что же касается импрессионистам, о достижениях живописной техники которых справедливо пишет А. Довженко, то давно уже доказано, что лучшие в их произведениях находятся в прямой зависимости от завоеваний реализма в живописи. Чем дальше отходили импрессионисты от реализма, тем меньше становилась объективная художественная ценность их полотен.

Хотелось бы надеяться, что нужные и важные поиски различных оттенков и тон-

ностей живописного изображения мира не заслоняли, как это иногда бывало, того, для чего эти тонкости нужны: идеи, смыслы, содержания. Конечно, любознательный увидит на выставке «сто пейзажей» с видом Эльбруса, и все разные, но скажу по совести, что мне, зрителю, куда важнее и ценнее увидеть на этой выставке хоть одну хорошую картину о героях целины.

Видно, все еще живуч несдельный и невежественный предрассудок, порожденный буржуазным искусствоведением, в силу которого принято считать, что реализм — это сухое, серое и бесцветное изображение мира, лишненное яркости, свежести, оригинальности. И хотя всей практикой истории искусства с абсолютной очевидностью доказано, что именно реализм в широком его понимании предоставляет художнику подлинную свободу для полного и разностороннего раскрытия всех его творческих возможностей, для глубокого своеобразных решений, направленных на раскрытие объективной картины жизни, все-таки нет-нет, да и проглядывают в наших дискуссионных статьях, затрепанная и давно опровергнутая идея о том, что поэтическая образность присуща не реалистическим направлениям в искусстве. Эта глубоко ошибочная, несправедливая концепция может влиять на поверхность только потому, что мы мало думаем, пишем, спорим о новых горизонтах нашей живописи, об особенностях индивидуального развития отдельных мастеров, о характере и направлении их поисков образной выразительности. Ведь бывает, и нередко, что эти поиски идут в обход большого созидания, сколько-нибудь значительных идей, ограничиваются мелкими и бесплодными формальными экспериментами или бесконечными вариациями давно известных пейзажных, портретных, жанровых образов.

До сих пор не изжито среди определенной части художников пренебрежение к сюжету в живописи, наличие которого считается кое-кем «литературной», противоречащей специфике живописи. Только легкомысленные люди могут утверждать, что сюжетные картины классиков западной и отечественной живописи, лучших мастеров советского искусства лишены специфической живописной выразительности. Конечно, поклонники натуралистического фотографизма нередко исполь-